

ДАНИЭЛА СТИЛ

*Большие
перемены*

Миры Даниэлы

Даниэла Стил

Большие перемены

«Издательство АСТ»

1983

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Стил Д.

Большие перемены / Д. Стил — «Издательство АСТ»,
1983 — (Миры Даниэлы)

ISBN 978-5-17-122404-2

Телеведущая Мелани Адамс решила забыть о любви после неудавшегося брака и тяжелого романа, — впрочем, двое детей-подростков и напряженная работа и не оставляли в ее жизни места для мужчины. Но однажды она встретила известного кардиохирурга Питера Галлама, вдовца с тремя детьми, — и внезапно поняла, что вновь испытывает чувства, которые, как ей казалось, утратила навсегда. Однако дети, разные города, успешные карьеры и волевые характеры Питера и Мелани не делают их отношения проще. И женщина сталкивается с болезненным выбором между своей гламурной жизнью под пристальным вниманием общества и своим женским счастьем, потребностями собственной семьи и семьи новой, которую лишь предстоит сделать своей. Перемены приносят и Мелани, и Питеру, и их отпрыскам новые радости и новые проблемы, знакомят с новыми людьми и заставляют начать новую жизнь.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-122404-2

© Стил Д., 1983

© Издательство АСТ, 1983

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	30
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Даниэла Стил

Большие перемены

Глава 1

Доктор Галлам спешил через вестибюль Центральной городской больницы, не останавливаясь, чтобы ответить на вызов жужжавшей в кармане рации, поскольку операционная бригада знала: он уже в пути, – а для остальных было еще рано, начало пятого утра. Его мозг лихорадочно работал, анализируя данные, полученные двадцать минут назад по телефону. Несколько недель они ждали этого донора, но сейчас было почти поздно... почти. Двери лифта раскрылись на шестом этаже, и он стремительной походкой направился к сестринскому посту перед дверью с надписью «Интенсивная кардиология».

– Салли Блок уже отправили наверх?

Сестра подняла на него глаза, и тут же сосредоточилась, как случалось всегда при виде Питера Галлама. Этот высокий подтянутый седовласый мужчина с голубыми глазами и мягким голосом вызывал в людях душевный трепет. Он выглядел так, словно врач, сошедший со страниц женского романа: в нем сочеталась природная доброта и мягкость с мужской силой. Он напоминал благородного скакуна: всегда с натянутыми поводьями, рвущегося вперед, стремящегося сделать больше, вступить в единоборство со временем и вырвать у смерти еще хоть одну жизнь – мужчины, женщины, ребенка. Он часто побеждал, но не всегда. Бессилие раздражало его, более того – причиняло боль, отчего вокруг глаз залегли морщины, а в душе затаилась глубокая печаль. Он почти ежедневно творил чудеса, но мечтал о большем: спасти всех, – хотя и понимал, что это невозможно.

– Да, доктор, – поспешно кивнула сестра. – Ее только что отвезли наверх.

– Она была готова?

Это была еще одной его отличительной чертой. Сестра мгновенно поняла, что он имел в виду под этим «готова». Совсем не легкое успокаивающее или внутривенный укол, сделанный перед тем как девушку увезли из палаты в операционную. Он спрашивал, как она себя вела, что чувствовала, кто говорил с ней, кто сопровождал ее. Ему хотелось, чтобы все его пациенты знали, через какие испытания им придется пройти, насколько трудная задача стоит перед врачами и как самозабвенно они будут пытаться спасти жизнь каждого, и были готовы вступить за нее в борьбу вместе с ними.

«Если по пути в операционную они не будут верить, что у них есть шанс выиграть сражение, то мы с самого начала обречены на провал», – говорил он своим студентам, и это были не просто слова. Он сражался, не жалея себя, и это дорого ему обходилось, но спасенные жизни стоили таких усилий. Результаты, полученные им за последние пять лет, за редким исключением поражали, но эти самые исключения очень много значили для Питера Галлама. «Он совершенно удивительный: сильный, благородный и необыкновенно привлекательный», – с улыбкой отметила медсестра, когда доктор поспешил к маленькому лифту в конце коридора.

Лифт быстро поднял его на нужный этаж, и Питер оказался перед входом в операционную, где со своей бригадой проводил сложные операции по пересадке сердца. Именно такая предстояла сегодня ночью.

Двадцатидвухлетняя Салли Блок в детстве перенесла ревматическую атаку и почти всю сознательную жизнь была ограничена в движении и принимала горы лекарств. Ей уже делали, и не раз, пересадку клапанов и множество медикаментозных блокад, а несколько недель назад, когда она поступила в Центральную городскую больницу, они с коллегами пришли к выводу, что поможет ей только пересадка сердца, но до сих пор не было донора, вплоть до сегодняш-

ней ночи. В половине третьего группа молодчиков устроила гонки в долине Сан-Фернандо, и несколько человек разбились. Тут же заработала прекрасно организованная система по выявлению и поставке доноров, и Питер Галлам узнал, что появился подходящий. Только бы Салли смогла перенести операцию и ее организм не отторг новое сердце, которое они ей подарят.

Он переоделся в бледно-зеленый хлопчатобумажный операционный костюм, тщательно вымыл руки, и хирургическая сестра помогла ему надеть перчатки и маску. Три врача, два стажера и несколько операционных сестер уже ждали его, но Питер Галлам, казалось, даже не заметил их, входя в операционную. Его взгляд тотчас устремился на Салли, неподвижно лежавшую на операционном столе. Яркий свет ламп слепил ей глаза. Даже в стерильной одежде и зеленой шапочке, скрывавшей длинные светлые волосы, она выглядела как принцесса. Салли очень хотела стать художницей, поступить в колледж, влюбиться, выйти замуж, родить детей. Питера, несмотря на шапочку и маску, она узнала и сонно улыбнулась сквозь дымку наркоза.

– Привет!

Она выглядела такой хрупкой с огромными глазами на изможденном лице и напоминала разбитую фарфоровую куклу.

– Привет, Салли. Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо. – Улыбнулась девушка в ответ на такой знакомый и по-отечески добрый взгляд.

За последние две недели она хорошо узнала доктора Питера: он дал ей надежду и нежность, окружил заботой, – и одиночество, в котором она жила долгие годы, стало казаться ей уже не таким горьким.

– Нам предстоит большая работа, но ты не переживай. – Питер понаблюдал за ней, потом посмотрел на приборы и опять перевел взгляд на нее. – Страшно?

– Немного.

Доктор Галлам знал, что Салли хорошо подготовлена, поскольку потратил немало времени, чтобы донести до нее, как будет проходить операция, какие опасности могут подстергать после, а также какое медикаментозное лечение предстоит. И вот решающий момент настал: он вдохнет в нее новую жизнь, она родится из его души, из кончиков его пальцев. Она словно заново родится.

Анестезиолог подошел к изголовью операционного стола и посмотрел на Питера Галлама. Тот медленно кивнул и опять улыбнулся Салли.

– Скоро увидимся.

Правда, пройдет часов пять-шесть, прежде чем она отойдет от наркоза. Все это время за ней будут наблюдать в послеоперационной палате, перед тем как перевести ее в отделение интенсивной терапии.

– Вы будете рядом, когда я проснусь? – с тревогой в голосе спросила девушка, и он поспешно кивнул:

– Конечно, не волнуйся: я всегда буду рядом.

Питер сделал знак анестезиологу, вскоре под действием наркоза ее глаза закрылись и, спустя несколько минут операция началась.

Прошло четыре долгих часа, прежде чем на лице Питера Галлама, с каплями пота на лбу, появилось выражение удовлетворения и победы: донорское сердце заработало. На какое-то мгновение он поймал на себе взгляд сестры, стоявшей напротив, и улыбнулся из-под маски.

– Работает.

Питер понимал, что они выиграли только первый раунд. Примет ли организм Салли новое сердце или отторгнет? Как и у всех пациентов с трансплантированным сердцем, шансы выжить у нее не особенно велики, однако все же выше, чем без операции. В ее случае это и вовсе была единственная надежда. В девять пятнадцать Салли Блок увезли в послеоперационную палату, а Питер Галлам смог наконец передохнуть – впервые с половины пятого утра.

Пока будет отходить наркоз, он может выпить чашку кофе и немного поразмышлять: операции такой сложности буквально изнурили его.

– Блестящая работа, доктор! – подошел к кофе-машине врач-стажер, все еще под впечатлением от увиденного.

Питер, налив себе чашку черного кофе, повернулся к молодому человеку, и улыбнулся:
– Спасибо.

Как же этот юноша похож на его сына! Питер был бы безмерно рад, если бы Марк посвятил себя медицине, но увы: молодой человек предпочел заняться бизнесом в сфере юриспруденции. Его привлекал куда более широкий мир, чем тот, в котором жил Питер. К тому же за долгие годы сын успел насмотреться, как выкладывается отец, как переживает смерть каждого своего пациента. Это было не для него. Питер прикрыл глаза, сделал глоток очень крепкого кофе и подумал, что, возможно, это и к лучшему, а потом снова обернулся к стажеру:

– Вы впервые видели пересадку сердца?

– Нет, это вторая операция. Первую тоже исполняли вы.

Это слово – «исполняли», – как никакое другое, подходило к их работе. Обе пересадки, за которыми наблюдал молодой человек, представляли собой действительно виртуозное исполнение хирургом его роли. До этого ему никогда в жизни не приходилось испытывать такое напряжение, как при разыгравшейся в операционной драме. Наблюдать за ходом операции, которую исполнял Питер Галлам, это как лицезреть балет, где главную партию танцевал Нижинский¹. Это был великий мастер своего дела.

– Каков ваш прогноз?

– Слишком рано говорить об этом, но надеюсь, что все обойдется.

Питер поднялся и, надевая поверх костюма стерильный халат для посещения послеоперационной палаты, молил Бога, чтобы эти надежды оправдались.

За каждым вздохом Салли наблюдала сестра и следила целая батарея мониторов. Но Питер знал, что обольщаться рано: все может очень быстро измениться, как уже случалось прежде.

Он сел на стул возле кровати и еще раз мысленно обратился к Господу с мольбой, чтобы на сей раз все обошлось.

Глядя на Салли, Питер изо всех сил старался не видеть другое лицо, не вспоминать другой случай, который стоял у него перед глазами... Он опять видел ее в последние часы: утратившей желание бороться, потерявшей надежду... Он ничего не мог поделать. Она так и не позволила ему попытаться спасти ее. Какие бы доводы он ни приводил, как бы ни старался уговорить, она отказалась, хотя и был донор. В ту ночь он бился головой о стену в ее палате, а затем, сев в автомобиль, помчался с бешеной скоростью домой по пустынной дороге. Его остановили за превышение скорости, но ему было все равно: ни о чем другом, кроме нее, он думать не мог. Его заставили выйти из машины и пройти тест на алкоголь, но он не был пьян: оцепенел от боли. Ему сделали замечание и отпустили, выписав штраф. Дома он слонялся из угла в угол и едва ли не выл, как раненый зверь. Ему так не хватало любимой нежной Анны, ее заботы и поддержки. Он не верил, что сможет жить без нее: даже дети казались ему далекими, ненужными, – и все его мысли были только о ней. Долгие годы совместной жизни так убедили его в ее силе: ведь только благодаря ей он смог добиться успеха. Она была для него всем: подругой, советчиком, музой, вдохновительницей, критиком, строгим судьей, – и вдруг все кончилось. В ту ночь Питер почувствовал себя одиноким брошенным ребенком, а на рассвете внезапно понял, что должен немедленно вернуться к ней, чтобы сказать то, чего никогда не говорил прежде. Он помчался обратно в больницу, проскользнул в ее палату, и, отослав

¹ Нижинский Вацлав Фомич (1889 или 1890–1950) – российский артист балета, балетмейстер, хореограф-новатор. – *Здесь и далее примеч. ред.*

медсестру передохнуть, сел возле кровати, нежно взял ее за руку и принялся гладить волосы. Перед самым рассветом она открыла глаза и едва слышно, одними губами, произнесла:

– Питер...

– Я люблю тебя, Анна.

У него на глаза навернулись слезы, и ему захотелось крикнуть: «Не уходи!»

А она улыбнулась ему, испустила легкий вздох и затихла. Он вскочил, объятый ужасом, обхватил ладонями родное лицо и разрыдался. Почему она не стала бороться? Почему не позволила ему попытаться спасти ее? Почему не захотела принять то, что другие получали от него почти ежедневно? Он не мог ни понять, ни смириться с этим. Он не мог отвести от нее взгляда, судорожно всхлипывая, пока кто-то из коллег не увел его. Потом его отвезли домой и уложили в постель, а следующие несколько недель он почти не помнил. Его жизнь напоминала существование во мраке до тех пор, пока он в конце концов не осознал, как отчаянно нуждаются в нем дети. Мало-помалу он вернулся в реальный мир, даже смог приступить к работе, но теперь постоянно чувствовал пустоту, которую ничто не могло заполнить. Его живительным источником всегда была Анна. Мысли о ней ни на миг не оставляли его. Ее образ возникал перед ним, когда уходил на работу, когда посещал в палатах больных, когда шел в операционную или к своей машине в конце дня. И каждый раз, когда подходил к дому, как будто нож вонзался ему в сердце при мысли, что ее там нет.

Прошло больше года, и боль немного притупилась, но Питер подозревал, что она не уйдет никогда. Единственное, на что он был способен, – это продолжать работать, отдавать все, что мог, тем, кому требовалась помощь. И потом, были еще Марк, Пам и Мэтью, слава богу: без них он ни за что бы не выжил. Они заставили его оставаться на плаву и продолжать жить, хотя мир стал без Анны совершенно другим.

Он сидел в тишине послеоперационной палаты, вытянув ноги, напряженно прислушиваясь к дыханию Салли, и думал, вспоминал...

Наконец веки ее дрогнули, она на мгновение открыла глаза и смутным взглядом обвела палату.

– Салли, это я, Питер Галлам. Все закончилось, и с тобой все в порядке.

Он не сказал ей того, о чем запрещал себе даже думать. Она жива. Она все перенесла. Она должна жить, и он сделает для этого все возможное.

Питер еще час просидел у ее постели, и всякий раз, когда Салли приходила в сознание, что-то ей говорил, а перед тем, как уйти, даже добился от нее слабой, едва уловимой улыбки. После полудня он заглянул в кафетерий перекусить и ненадолго зашел в свой кабинет, прежде чем отправиться на вечерний обход пациентов, и только в половине шестого поехал домой. Ему все еще трудно было смириться с мыслью, что дома его не ждет Анна. «Когда же я с замиранием сердца перестану ждать, что увижу ее? – спрашивал он себя. – Когда смогу убедить себя, что ее больше нет?»

Душевные муки его состарили: лицо больше не светилось жизнелюбием и уверенностью, что ничего плохого с ним никогда не случится, потому что это невозможно: у него трое прекрасных детей, достойная восхищения жена, удачная карьера. Он без особых сложностей добрался до вершины, и ему нравилось там. А что теперь? Куда ему идти и с кем?

Глава 2

Ослепительно белый свет на телестудии в Нью-Йорке был под стать операционной в Центральной городской больнице Лос-Анджелеса. В не освещенных прожекторами углах павильона гуляли сквозняки и было прохладно, но в центре, где соединялись лучи, казалось, что кожа того и гляди лопнет от жары и слепящего света. Создавалось ощущение, что все в помещении сфокусировалось на объекте, попавшем в луч прожектора, и туда же, в центр луча, в эту узкую полоску, на островок сцены, к безликому коричневому столу и ярко-голубому заднику с единственным начертанным на нем словом людей тоже притягивало. Но взгляд останавливался не на этом слове, а на пустом кресле, похожем на трон, ожидавшим своего хозяина – короля или королеву. Вокруг суетились техники, операторы, гримеры, стилисты, два помощника режиссера-постановщика, сам режиссер; тут же слонялись любопытные статисты и просто зеваки.

– Пять минут!

Все было как обычно, и отсчет времени ничем особенным не выделялся, тем не менее выпуск вечерних новостей в некотором роде походил на шоу. В белом свете прожекторов все выглядело немного нереальным, и сердца начинали учащенно стучать при этих звуках: «Пять минут! ... Три! Две! ...» Такие же слова можно услышать за кулисами на Бродвее или в лондонском «Альберт-холл», когда на сцену выплывала какая-нибудь примадонна, только здесь не было никакой помпезности: команда щеголяла в кроссовках и джинсах, – хотя тоже присутствовала своя магия, взволнованный шепот, ожидание.

Мелани Адамс всем своим существом ощущала это, решительно ступая на подмостки. Как всегда, ее появление было отточено до совершенства. До выхода в эфир у нее оставалось ровно сто секунд, и эти секунды были необходимы, чтобы еще раз просмотреть заметки, бросить взгляд на лицо режиссера: нет ли чего-нибудь экстренного, о чем ей следует знать, – и сосчитать про себя до десяти, чтобы успокоиться.

Как обычно, это был долгий день. Она закончила репортаж о детях, ставших жертвами насилия. Тема не из приятных, но Мелани прекрасно справилась, и к шести часам начинала сказываться усталость. «Пять, – пальцы помощника режиссера показали последний отсчет. Четыре... три... две... одна».

– Добрый вечер. – Отработанная улыбка никогда не казалась натянутой, и волосы цвета коньяка, в свете софитов блестели как обычно. – Вас приветствует Мелани Адамс с вечерними новостями.

Президент выступил с речью... в Бразилии произошел военный переворот... акции на бирже резко упали... на местного политического деятеля сегодня утром было совершено нападение, когда он выходил из дому... Были и другие новости... Эфир, как всегда, шел без заминки. Весь облик Мелани говорил о бесспорной компетентности, что обеспечивало ей прекрасный рейтинг и создавало огромную популярность. Она была известна всей стране уже более пяти лет, хотя мечтала совсем о другой карьере, политолога, но в девятнадцать лет была вынуждена бросить колледж из-за рождения близнецов. С тех пор прошло много времени, и телевидение уже давно стало ее жизнью. И еще дети. Было у нее и кое-что еще, но работа и дети всегда оставались на первом месте.

По окончании выхода в эфир она собрала со стола свои заметки.

– Прекрасное, Мел, как, впрочем, и всегда! – Режиссер по обыкновению остался доволен.

– Спасибо.

Она всегда держалась немного отчужденно, не забывая о субординации. Но если раньше этим она прикрывала свою застенчивость, то теперь это вошло в привычку. Вокруг нее крутилось слишком много любопытных, мечтавших что-нибудь подсмотреть, узнать, подслушать, чтобы потом похвастаться.

Сейчас, когда ей оборачивались вслед в магазине, на прогулке, Мелани Адамс внешне хоть и выглядела всегда сдержанной, но в душе по-прежнему испытывала неловкость.

После эфира Мел направилась в свой кабинет, чтобы снять лишний грим и забрать перед уходом сумочку, но редактор резко взмахнул рукой и крикнул:

– Можешь задержаться на секунду, Мел?

Как обычно, выглядел он взбудораженным, и Мелани тяжело вздохнула, потому что «задержаться на секунду» могло означать все что угодно, в том числе и вероятность проторчать весь вечер в студии. Кроме обычных выпусков новостей она вела и экстренные, так что одному богу известно, что они припасли для нее на сей раз. Она стала настоящим профессионалом, и по внешнему виду редко можно было определить ее настроение, но репортаж о детях – жертвах насилия вывел ее из строя, хотя благодаря умелому макияжу она выглядела бодрой и полной сил.

– Что-то случилось?

– Мне бы хотелось тебе кое-что показать. – Редактор вытащил кассету и вставил в видеомагнитофон. – Мы дали анонс в час дня, но я решил, что для вечерних «Новостей» материала недостаточно. Вот хочу поручить раскрутить эту тему тебе.

Мел сосредоточила внимание на экране. Шло интервью с девятилетней чернокожей девочкой, которой была крайне необходима пересадка сердца, но до сих пор родителям не удалось найти для дочери донора. Сочувствующие люди создали даже специальный фонд для этой милой девчушки, вид которой с первого взгляда трогал душу. Мел почти сожалела, что увидела этот сюжет. Очередная бедняжка, которой нужна помощь, но никто не в силах ей ее оказать. Она испытывала те же чувства, пока работала над репортажем о детях, ставших жертвами насилия. Неужели ей не могут подбросить для разнообразия какой-нибудь громкий политический скандал? Зачем еще одна сердечная боль?

– Ну и чего ты от меня хочешь?

– Думаю, зрителям будет интересно наблюдать за судьбой этой девочки. Ты могла бы сделать серию репортажей, помочь в сборе средств, поискать докторов, готовых взяться за операцию.

– О, ради бога, Джек... Почему все это сваливается на меня? Неужели я теперь стала представительницей какого-то общества по защите детей?

У Мелани был очень длинный день: из дому она ушла в шесть утра, – поэтому раздражение скрыть не удалось.

– Послушай, – устало вздохнул редактор, – никто лучше тебя не сделает это. Мало того, что мы поможем родителям Патти Лу найти кардиохирурга, но и показать в прямом эфире, как ей сделают пересадку. Мел, это же будет сенсация!

Она медленно кивнула: из этого действительно может получиться хороший материал, но чего это будет стоить!

– Ты уже говорил об этом с ее семьей?

– Нет, но я уверен, что они будут рады.

– Как знать? Не все готовы выносить свои проблемы на всеобщее обозрение.

– А почему бы и нет? Они же не отказались разговаривать с нами.

Мел задумчиво кивнула, а Джек продолжил:

– Прямо завтра можно связаться с кем-нибудь – а лучше с несколькими из кардиохирургов и выяснить, что думают они? Многие с радостью расскажут о своих достижениях широкой публике.

– Я подумаю, но сначала мне нужно смонтировать материал о детях – жертвах насилия.

– А разве ты не закончила его, – нахмурился Джек.

– Все сделано, но мне хочется просмотреть материал в готовом виде – возможно, что-то поправить.

– Черт побери, но это не твоя забота. Ты должна только готовить материал. Сюжет о Патти похлеще будет!

Похлеще? Да как он может? Неужели для него главное – сенсация, а не судьба несчастных детей? Да она чуть с ума не сошла при виде ожогов от сигарет на тельце двухлетнего ребенка и четырехлетнего малыша с отрезанным ухом.

– Просто подумай, Мел.

– О'кей, Джек. Договорились.

«...Здравствуйте, доктор. Я ведущая «Новостей». У меня к вам предложение. Вы не могли бы сделать пересадку сердца девятилетней девочке (если можно, бесплатно), а мы в качестве рекламы покажем операцию в прямом эфире...»

Возмущению Мелани не было предела, когда торопливо шла к своему кабинету, поэтому чуть не столкнулась с высоким темноволосым мужчиной.

– Что-то ты сегодня мрачная, – раздался глубокий, хорошо поставленный голос.

– Привет, Грант! Каким ветром тебя занесло сюда в такое время?

Давний друг Мелани, диктор Грант Бакли вел политические дискуссии, выходявшие в эфир после ночного выпуска новостей, и снискал себе славу одного из самых ярких полемистов.

– Да вот пришел пораньше покопаться в архиве, поискать кое-какие пленки для своей программы. А у тебя что? Ты, напротив, припозднилась.

Обычно к этому времени она уже уходила, но из-за истории с Патти Лу Джонс подзадержалась.

– Сегодня мне припасли еще одно испытание: репортаж о пересадке сердца ребенку. Обычная работа, ничего особенного.

Все мрачные мысли рассеивались, когда она смотрела на него. Этот мужчина был не только привлекателен внешне, но и невероятно умен и предан. Вся женская часть студии завидовала ей и не могла понять, почему их отношения до сих пор дружеские.

– Ну и как репортаж – удался?

Она серьезно посмотрела на него.

– Было невероятно тяжело, но все получилось.

– Да, умеешь ты выбирать себе работенку, дружок.

– Скорее она меня выбирает. Вот теперь мне надо организовать прямой эфир с пересадкой сердца.

– Ты серьезно? – Брови Гранта взлетели.

– Серьезнее некуда. Может, ты что-нибудь посоветуешь?

Он на мгновение нахмурился, размышляя.

– В прошлом году я проводил дискуссии на эту тему, и там присутствовали несколько известных кардиохирургов. Я просмотрю свои записи и сообщу тебе их имена. Когда нужно?

– Вчера, – улыбнулась она невесело.

Он взъерошил ей волосы – все равно сегодня уже не выходить в эфир – и предложил:

– Может, съедим в кафе по гамбургеру?

– Да нет, не стоит: я спешу.

– К своим близняшкам? – закатил глаза Грант. Он прекрасно знал девчушек Мелани. У него тоже имелось три дочери от трех разных жен, но они не были такими искательницами приключений. – Чем они сейчас занимаются?

– Как обычно. Вал то и дело влюбляется, а Джесс вся в уроках. Их совместные усилия сводят на нет все мои попытки сохранить цвет волос и не поседеть раньше времени.

Мелани в свои тридцать пять выглядела на десять лет моложе: на ней никак не отразилась ответственность за самую тяжелую работу, которую на нее порой взваливали, потому что она ее любила. Грант прекрасно знал ее жизнь: она не раз плакалась ему в жилетку из-за каких-

нибудь неприятностей или неудач, в том числе и в отношениях с мужчинами, которых было не так уж много. Мелани проявляла осторожность в выборе знакомых и старалась не выставлять на всеобщее обозрение свою личную жизнь, но еще больше боялась влюбиться, после того как отец близняшек бросил ее еще до их рождения. Они поженились сразу после школы, поступили в колледж и уехали учиться в Колумбию, но когда она поняла, что беременна, он не пожелал даже слушать об этом. С каменным лицом он потребовал избавиться от ребенка. Мел до сих пор помнила тон, которым он произнес эти слова: в нем не было ни любви, ни сожаления. Она отказалась, и он ее бросил: уехал на каникулы в Мексику с другой девушкой, а вернувшись, объявил, что они разведены. Он сам подал заявление, подделав ее подпись на бланках. Мелани была настолько поражена, что потеряла дар речи. Ее родители убеждали, что надо обратиться в суд, но она решила, что бороться за эти отношения не имеет смысла. Своим поступком он оскорбил и унизил ее, и даже перспектива остаться одной с ребенком на руках – которых потом оказалось двое – не заставила изменить это решение. Некоторое время родители помогали ей, а затем она стала самостоятельно пробивать себе дорогу в жизнь. Чтобы найти приличную работу, она бралась за все, на что была способна: работала секретарем, продавала витамины, причем разносила их по домам, и в конце концов устроилась в отдел информационных программ на телевидение, где занималась перепечаткой новостей.

Дочурки тем временем росли. Хоть восхождение Мел не было ни быстрым, ни легким, но, день за днем перепечатывая тексты, она поняла, чего хочет. Больше всего ее интересовали политические темы, и она утвердилась в мысли, что ее призвание – тележурналистика. Она не раз пыталась участвовать в конкурсах, чтобы получить эту работу, но в конце концов поняла, что в Нью-Йорке ничего не получится. Сначала она отправилась в Буффало, затем в Чикаго, но потом все же вернулась в Нью-Йорк, все-таки получив, наконец, желанную работу.

Ее репортаж об одной из крупных забастовок обратил на себя внимание руководства, и ей было предложено место ведущей. Мелани страшно испугалась, но у нее не оставалось выбора: надо было кормить детей, отец которых не вложил в их воспитание ни цента. Мел справлялась, на жизнь им хватало, о славе она не мечтала, и не стремилась сама рассказывать, что писала, и вдруг оказалась на экране телевизоров. Как ни странно, ей это понравилось: заставляло держать себя в тонусе и внушало надежду.

Ее направили на стажировку в Филадельфию, затем – ненадолго – в Чикаго, а потом в Вашингтон, и, наконец, она вернулась домой. По оценке руководства, ее прилично поднаптакали, и теперь на экране она смотрелась великолепно: умная, спокойная, рассудительная, с хорошей дикцией. Красивая. В двадцать восемь лет она приблизилась к вершине, прочно обосновавшись в вечерних «Новостях», а в тридцать разорвала контракт и перешла в другую программу, но тоже на должность комментатора. Ее рейтинг, и так немалый, стремительно вырос и с тех пор неуклонно повышался.

Мелани выкладывалась на работе полностью, так что свою репутацию ведущего тележурналиста вполне заслужила. Давно минули дни лишений и борьбы, и родители гордились дочерью, но, время от времени Мелани задавалась вопросом, что думает, глядя на экран телевизора, отец двойняшек, жалеет ли, что бросил их, если, конечно, вообще помнит ее. Мелани ничего о нем не слышала, но он оставил свой след в ее жизни, который с годами хоть и сгладился, но так и не исчез. Она стала очень осторожна, боялась сблизиться с кем-либо, поверить до конца, и это привело ее к нескольким неудачным любовным связям. Мужчин привлекала в ней красота и популярность, но своей отчужденностью она отпугивала поклонников. Замуж она больше не собиралась, а все, о чем мечтала: успех, любимая работа, стабильное финансовое положение, дом, который она любила, родители, близняшки, – у нее было.

– Зачем мне замуж? – заявила она как-то Гранту, который поддерживал ее скептическую точку зрения, но тот заметил:

– Возможно, замуж и правда ни к чему, но по крайней мере найди себе неженатого мужчину.

– Да какая разница?

– Разница, дружочек, в том, что в противном случае тебе придется проводить все праздники и выходные в одиночестве, потому что он будет всегда с женой и детьми.

– Возможно, ты и прав, но для него я буду деликатесом – икрой, а не блинами.

– Ты заблуждаешься, Мел: будешь страдать.

И он оказался прав: именно это причиняло невыносимую боль. Разрыв был мучительным. Мелани несколько недель ходила горем убитая, потом поклялась себе никогда не связываться с женатыми.

Они с Грантом были знакомы почти десять лет, поэтому он знал, с каким тщанием она возводила вокруг себя стены. Они встретились, когда она еще только карабкалась наверх, но уже тогда он понял, что видит рождение новой яркой звезды на теленевосклоне, и заботился о ней и как о коллеге и как о друге. Он вел себя максимально корректно, чтобы ненароком не испортить сложившиеся между ними отношения. Грант был трижды женат, имел множество подружек, с которыми проводил ночи, но Мел значила для него гораздо больше. Они по-настоящему подружились, и он боялся потерять ее доверие. На ее долю уже выпало немало бед, и Гранту совсем не хотелось причинить ей боль.

– По правде говоря, детка, большинство мужчин – порядочные скоты, – признался он ей как-то поздно вечером, после того как Мелани приняла участие в его программе, а потом они отправились отметить успех и засиделись у Элейн до трех часов ночи.

– И это мне говоришь ты, мужчина? – удивилась Мел.

Несмотря на свой печальный опыт, она не разделяла его мнение.

– Мы все хотим, чтобы женщины любили нас всем сердцем, были при этом преданы нам, но сами не желаем тратить свои душевные силы. Тебе нужен человек, который любил бы тебя чуть-чуть больше, чем ты его.

– Ты считаешь, что я еще способна любить?

Мелани постаралась внести в свой вопрос нотку иронии, но Грант не поддался на это. Старая боль так и не оставила ее, и он сомневался, пройдет ли она вообще.

– Я слишком хорошо знаю тебя, Мел: возможно, даже лучше, чем ты сама.

– По-твоему, все мои мысли только о любви?

На сей раз она рассмеялась, и он тоже не сдержал улыбки:

– Нет, по-моему, ты этого до смерти боишься.

– Сдаюсь.

– Неужели не хочется найти счастье?

– Зачем искать? Я и так счастлива.

– Глупости! Одиночество не приносит счастья.

– У меня есть дети.

– Это не одно и то же.

Она пожала плечами:

– Но ты же счастлив?

Мел попыталась заглянуть другу в глаза в надежде обнаружить подтверждение своих слов, и была несказанно удивлена, наткнувшись на тоску. Похоже, даже блистательному Гранту, ничто человеческое не было чуждо.

– Если бы одиночество приносило радость, я бы не женился три раза.

Они вместе посмеялись, а потом он отвез ее домой, по-отечески поцеловав на прощание в щеку. Мелани неожиданно подумала, что они могли бы стать прекрасными любовниками, но тогда придет конец их дружбе, чего обоим не хотелось: они очень дорожили этими отношениями.

Все это вспомнилось Мелани, пока они стояли возле ее кабинета, и она, уставшая, но обрадованная встречей в конце этого долгого дня, слушала Гранта, который давал ей то, чего не мог дать никто другой.

– Может, съедим по гамбургеру завтра?

– Исключено, к сожалению: у меня встреча с парочкой идиотов.

Мелани взглянула на часы.

– Мне пора, а то Ракель закроет дверь на засов – настоящий деспот, все у нее по расписанию.

Помощница, которая жила в их доме уже семь лет, стала для Мелани не просто находкой, а почти членом семьи: держала девчонок в строгости, следила за порядком и ведала всеми делами по дому.

– Передай ей пламенный привет. Список кардиохирургов завтра принесу.

– Спасибо, очень выручишь.

Мелани послала ему воздушный поцелуй, и он отправился к себе, а она заскочила за сумкой в кабинет и поспешила вниз, поймала такси и через пятнадцать минут была уже на Семьдесят девятой улице.

– Я пришла! – провозгласила Мел, входя в прихожую своего изысканно отделанного и обставленного дома.

Белоснежный мраморный пол, бело-розовые обои с цветочным орнаментом, светлая мебель и обивка пастельных тонов не оставляли сомнений, что это женское царство и мужчинам здесь места нет.

В гостиной стояли уютные глубокие диваны, обтянутые шелком; муаровые занавеси, ниспадавшие мягкими складками, были на французский манер подвязаны; стены нежного персикового оттенка украшала лепнина и изящная живопись. Дом буквально излучал тепло, и по нему хотелось побродить. Элегантность обстановки вовсе не смущала, а, напротив, вызывала ощущение уюта и покоя.

Дом был небольшой, но Мелани с первого взгляда влюбилась в него и не захотела даже смотреть другие варианты.

Она быстро поднялась наверх, не обращая внимания на легкую боль в спине: день оказался очень длинным, – и, не задерживаясь возле своей комнаты, поскольку прекрасно знала, что ее там ждет груда корреспонденции (в основном счета), сразу направилась к девочкам.

Обе двери оказались закрыты, но музыка так грохотала, что закладывало уши.

– О боже, Джесс! – воскликнула Мел, пытаясь перекричать рев магнитофона. – Убавь громкость!

– Что? – обернулась к двери высокая худенькая рыжеволосая девочка.

Усевшись на кровати, она прижимала к уху телефонную трубку. Повсюду валялись учебники.

– У тебя что, нет экзаменов? Заканчивай разговор.

Девушка кивнула и, что-то буркнув, положила трубку.

– И выключи магнитофон.

Джессика спустила с кровати длинные, как у жеребенка, ноги и, раздраженно тряхнув длинными, с медным отливом волосами, направилась к магнитоле.

– Я просто сделала перерыв.

– Надолго?

– О, ради бога! Мне что, завести секундомер?

– Это несерьезно! Прекрасно знаешь, что твои оценки...

– Да, знаю! Сколько можно повторять одно и то же?

– Пока ты их не справишь.

Мелани предпочла не обращать внимания на резкость дочери. Джессика после разрыва со своим молодым человеком стала вспыльчивой. Скорее всего именно это обстоятельство и повлияло на ее успеваемость – ведь это первое ее увлечение. Музыка оборвалась, и в комнате воцарилась тишина. Она обняла дочь за плечи и погладила по волосам.

– Как провела день?

– Нормально. А ты?

– Неплохо.

Джессика улыбнулась и сразу стала копией самой Мелани в детстве, разве что была более угловатой и высокой. Ей передались многие черты матери, и это создавало между ними редкостную духовную близость, так что порой они понимали друг друга без слов, а в иные моменты именно их схожесть становилась причиной разногласий.

– Я видела в вечерних «Новостях» твой репортаж о защите прав инвалидов.

– Ну и как, по-твоему?

Мелани всегда внимательно выслушивала мнения дочерей, особенно Джессики, которая не в пример своей сестре, высказывалась разумно и откровенно, но гораздо корректнее.

– Хороший, но недостаточно жесткий.

– Тебе трудно угодить: прямо как моим спонсорам.

Джессика, пожав плечами, посмотрела на мать и улыбнулась.

– Ты сама говорила, что надо любую информацию воспринимать критически, тем более новости.

– Разве?

И обе рассмеялись. Мел гордилась Джесс, а та в свою очередь гордилась матерью. Обе дочери уважали ее и считали потрясающей. Втроем они многое пережили, и это сблизило их.

Мелани показалось, что дочь погрузилась, и, внимательно посмотрев на нее, после недолгих колебаний она все-таки решилась спросить:

– Видела его?

На глаза дочери навернулись слезы:

– Да, и уже с другой. Обидно.

Мелани задумчиво кивнула и, присев на кровать, заметила:

– А может, оно и к лучшему? Если он так быстро нашел тебе замену, значит, никаких чувств и не было.

– Наверное, ты права: он подлец, – и все же он мне до сих пор нравится...

– Возможно, тебе просто хочется, чтобы кто-то был рядом?

На мгновение в комнате воцарилась тишина, и Джессика с изумлением уставилась на мать.

– Знаешь, я не уверена, но вполне возможно...

Мелани улыбнулась:

– Ты не должна чувствовать себя одинокой: именно из-за страха перед одиночеством мы порой подпускаем к себе тех, кто нам совсем не подходит.

Джессика, слегка наклонив голову, взглянула на мать. Она знала, насколько принципиальными были ее взгляды на жизнь, как она страдала, как боялась кем-то увлечься, а потом разочароваться. Порой девушке даже становилось жаль ее: матери нужен спутник жизни. Когда-то она надеялась, что им станет Грант, но потом поняла, что этому не суждено сбыться.

Ответить она не успела: дверь открылась, и вошла Валерия.

– Привет, мам. – Заметив серьезные выражения их лиц, девушка растерялась: – Мне уйти?

– Нет-нет, – поспешно покачала головой Мелани. – Здравствуй, милая.

Валерия подбежала к матери и чмокнула в щеку. Она была совсем не похожа на Мелани и Джесс: невысокого роста, миниатюрная как Дюймовочка, с водопадом светлых волос, который

струился почти до талии, она ни одного мужчину не могла оставить равнодушным. Мелани замечала похотливые взгляды, которые они бросали на нее, и внутренне содрогалась, а Грант ей однажды сказал:

«Мел, надень чадру на эту малышку и не снимай, пока ей не исполнится хотя бы двадцать, а то все соседи сойдут с ума».

Мелани не спускала с Валерии глаз, поскольку, в отличие от сестры, та была чересчур доверчивой и наивной. Она не была глупой, но особой сообразительностью не отличалась. Самое подкупающее в ней было то, что она вроде бы даже не осознавала своей красоты. Она радостно влетала в комнату с беззаботностью трехлетнего ребенка, а затем беспечно уносилась куда-то по своим делам. Джессика всегда присматривала за сестрой в школе, и чем старше они становились, тем усерднее, поскольку понимала, какую опасность таит в себе ее красота.

– В сегодняшнем выпуске новостей ты была на высоте!

Не в пример Джессике, она никак не объясняла свою точку зрения.

– Мы сегодня ужинаем все вместе?

– Конечно. Я отказала Гранту, чтобы провести время с вами.

– Почему ты не пригласила его к нам? – мгновенно погрузилась Валерия.

– Потому что проводить вечера в вашем обществе мне нравится больше, а с ним я могу поужинать в другой раз.

Раздался звонок внутреннего телефона, и Вал, первой схватив трубку, объявила:

– Ужин готов, и Ракель уже мечет икру.

– Вал! – недовольно воскликнула Мелани. – Не смей так выражаться.

– А что здесь такого? Это же не оскорбление.

– И все равно девушке не пристало говорить как уличная шпана.

Пока спускались вниз, Мел рассказала дочерям о Патти Лу Джонс, которой нужна пересадка сердца.

– И как же ты собираешься это осуществить? – заинтересовалась Джесс, которая знала, что ее мать великолепно справляется с подобными проблемами.

– Грант обещал помочь: в прошлом году он делал передачу о крупных специалистах по пересадке сердца, – и, возможно что-то подскажут сотрудники службы поиска доноров.

– Если все получится, репортаж будет хороший.

– А по-моему, все это отвратительно, – передернулась Валерия.

Едва они вошли в столовую, Ракель недовольно проворчала:

– Вы полагаете, я должна ждать вас всю ночь?

Все трое обменялась улыбками, и Джессика шепнула:

– Если она не пожалуется на что-нибудь, то просто сойдет с ума.

Ракель поставила перед ними блюдо жаркого, и Вал поспешила выразить восторг, первой накладывая себе мясо:

– Выглядит аппетитно, да и пахнет божественно!

Ракель хмыкнула и опять пошла на кухню, чтобы принести жареную картошку и брокколи, приготовленную на пару.

Обычный домашний ужин. Дом был единственным местом, где Мел могла полностью отвлечься от работы.

Глава 3

Весь день Салли то приходила в себя, то теряла сознание, и Питер Галлам едва ли не каждый час заглядывал к ней. Шел второй день после операции, и пока трудно было что-либо предсказать, но вид девушки внушал доктору опасения. Когда она в очередной раз очнулась и, открыв глаза, слабо улыбнулась, Питер придвинул стул к кровати и взял ее за руку.

– Как ты?

– Ничего, – еле слышно, одними губами ответила Салли.

– Вот и замечательно!»! С каждым днем ты будешь чувствовать себя все лучше, – с энтузиазмом, которого не чувствовал, проговорил Питер, но Салли медленно покачала головой.

– Не веришь? Разве я когда-нибудь обманывал тебя?

– Оно... не будет работать, – слабо, но убежденно прошептала девушка.

– Если ты захочешь, все будет в порядке.

У Питера внутри все напряглось. Она не должна так думать, тем более сейчас. Черт побери, почему она сдаётся?.. Почему не хочет бороться? Совсем как Анна... Почему они вдруг опускают руки? Для него это было страшнее наркотиков, отторжения, инфекции. Со всем этим все-таки можно было бороться, если у пациента осталось желание жить и вера, что жить он будет. Без этого борьба невозможна.

– Салли, у тебя все идет хорошо, – твердо сказал Питер, постаравшись вложить в свои слова как можно больше убежденности и силы, прежде чем отправиться на обход.

Доктор заходил в каждую палату и уделял каждому пациенту столько времени, сколько требовалось для того, чтобы или объяснить подробности предстоящей операции, или помочь разобраться в ощущениях после сделанной, успокоить и вселить надежду. После обхода он опять зашел к Салли, но та спала и Питер тихонько вышел.

Ему не нравилось ее состояние. Он нутром чувствовал, что ее тело отторгает сердце донора, хотя на это не было причины: оно прекрасно подходило. Питер был вынужден признать, что донор появился слишком поздно для Салли, и его охватило предчувствие надвигающейся утраты, которое свинцовым грузом давило на него.

Он прошел в небольшой бокс, который использовался в отделении как кабинет, и оттуда позвонил в свой офис узнать, не нужен ли там.

– Все в порядке, доктор, – произнес уверенный голос. – Вам только что звонили из Нью-Йорка.

– Кто? – спросил Питер бесстрастно, поскольку ему часто звонили отовсюду: то проконсультироваться по сложным случаям, то по поводу наличия доноров.

– Мелани Адамс с телевидения, из программы новостей.

Даже Питер знал, о ком идет речь, несмотря на то что не помнил, когда в последний раз смотрел телевизор.

– По поводу?

– Она не вдавалась в подробности: упомянула лишь, что речь идет о пересадке, необходимой ребенку.

Питер удивленно вскинул брови: возможно, дело касается ее ребенка. Он взглянул на часы и набрал оставленный ею номер телефона.

– Доктор Галлам. Мне передали, что вы звонили.

– Даже не предполагала так быстро услышать вас. Ваши координаты мне дал наш справочный отдел. Спасибо, что позвонили.

Мелани коротко проинформировала кардиохирурга о задании редакции и ответила на ряд вопросов, которые были в ее компетенции. Доктор Галлам был не первым, кому она звонила, но другие под разными предлогами отказались.

– В вашей затее есть смысл, – поразмышляв, проговорил Питер. – Правда, меня смущает реклама. К тому же очень трудно найти донора для ребенка. Скорее всего в данном случае следует прибегнуть к несколько иным методам лечения.

– А именно? – заинтересовалась Мел.

– Это будет зависеть от состояния девочки. Сначала мне необходимо ее осмотреть: возможно, удастся подлечить ее собственное сердце, а позже, если возникнет необходимость, уже думать о трансплантации.

Мел сдвинула брови: тоже сенсация, хотя и не та, на которую рассчитывал Джек.

– У вас бывали подобные случаи?

– Не часто. Она сможет перенести дорогу? Что говорят ее врачи?

– Пока не знаю, но сейчас же выясню. А вы действительно готовы на эту операцию?

– Возможно, но только не ради рекламы.

Что же, зато честно, хотя и прямолинейно, но Мел не могла упрекнуть его за это: он готов оперировать ребенка, а не устраивать шоу для выпуска новостей с собой в главной роли героя. Она прониклась к нему уважением.

– Но хоть интервью-то вы нам дадите?

– Да, – ответил он. – Но лишь для того, чтобы объяснить, почему берусь за это дело. Я кардиохирург, а не клоун, чтобы устраивать цирковые представления.

– Я никогда не пошла бы на это, тем более с вами.

Питер видел ее репортажи и почти не сомневался, что она говорит правду.

– Но мне бы все-таки хотелось взять у вас интервью: зрителям это будет интересно.

– Но почему? Да и откуда кому-то знать обо мне?

Его удивление казалось таким искренним, как будто никогда прежде ему не приходила в голову подобная мысль, и Мел улыбнулась: неужели он и правда не догадывался, насколько известен в стране? Возможно, или это его не волновало. Питер Галлам еще больше заинтересовал ее.

– Вы могли бы рассказать, что нового в кардиохирургии вообще и в трансплантологии в частности.

– Хорошо, так и быть. – Она почувствовала улыбку в его голосе.

– А теперь, как мы поступим с Патти Лу?

– Давайте так: я позвоню ее лечащему врачу и выясню, что можно сделать. Если нет никаких препятствий, привозите ее ко мне. – Внезапно ему в голову пришла еще одна мысль: – А ее родители согласны?

– Думаю, да, но мне следует все-таки поговорить с ними. Я в этом деле только посредник.

– Что же, по крайней мере с добрыми намерениями. Надеюсь, общими усилиями нам удастся помочь девочке.

На мгновение воцарилась пауза, и Мел почувствовала, что каким-то чудом нашла именно того человека, который нужен Патти Лу.

– Мне перезвонить вам, или вы позвоните сами?

– У меня здесь сложный случай, так что лучше вы.

Мел еще раз поблагодарила доктора и они распрощались.

В тот же день она побывала у Джонсов. Патти Лу оказалась веселой девочкой, и совсем не походила на больную, а ее родители даже прослезились от малейшего проблеска надежды. Их скудных сбережений оказалось недостаточно для полета в Лос-Анджелес обоим родителям: в семье было еще четверо детей, – и было решено, что поедет мать.

В телефонном разговоре с Питером Галламом они уточнили сроки прибытия девочки в Лос-Анджелес, и доктор заметил:

– Судя по тому, что говорит ее лечащий врач, медлить нельзя. Что, если завтра?

– Я постараюсь. – Мел взглянула на часы: приближалось время выпуска новостей. – Чуть позже я позвоню вам, доктор Галлам, и спасибо.

– Не стоит благодарности. Да, и вот еще что: я сделаю операцию ребенку бесплатно, но никаких телекамер. Интервью вы получите от меня после операции.

– Согласна, – вздохнула Мел и не удержалась: – Но ведь вы расскажете и о других случаях?

– Для чего? – Теперь в его голосе явно слышалась подозрительность.

– Мне бы очень хотелось все-таки сделать репортаж о трансплантации сердца, раз уж я окажусь там с вами, доктор. Пожалуйста.

– Ладно, уговорили.

На мгновение воцарилось молчание, затем он задумчиво проговорил:

– Странно думать о человеческой жизни как о теме для репортажа.

Опять пришла на ум Салли. Разве могла быть объектом для репортажа эта двадцатидвух-летняя девушка?

– Хотите – верьте, хотите – нет, но после стольких лет работы мне трудно об этом думать так. – Мелани глубоко вздохнула, подумав, что, возможно, кажется ему черствой. Но что поделаешь: ее работа не допускала сентиментальности. И так, я перезвоню позже и сообщу, когда мы вылетаем.

– А я пока все здесь подготовлю.

Меньше чем за час Мелани договорилась обо всем: о «скорой помощи» от дома Джонсов до аэропорта, о специальном обслуживании на борту самолета и медсестре, которая поедет с ними за счет телестудии, телевизионной бригаде, что будет сопровождать их от самого дома до Калифорнии, о такой же бригаде, которая продолжит работу с ними в Лос-Анджелесе, о номерах в гостинице для себя, коллег-телевизионщиков и матери Патти Лу. Оставалось только известить Питера Галлама. Его не оказалось на месте, когда она позвонила ему несколько часов спустя, и ей пришлось передать сообщение через секретаря.

Вечером она сообщила девочкам, что на несколько дней улетает в Калифорнию и объяснила зачем.

– Наша мама превращается в постоянную службу скорой помощи, – заявила Валерия, и Мелани с усталым вздохом повернулась к ней.

– Сегодня и у меня такое же ощущение, но репортаж должен получиться хороший.

Опять она за свое, а ведь речь идет о человеческой жизни. Что, если бы на месте этой девочки оказалась Валерия или Джессика, не приведи Господь? Что бы тогда она чувствовала? Мел содрогнулась при этой мысли и наконец полностью осознала реакцию Питера Галлама. Ее почему-то очень волновала предстоящая встреча: каким человеком он окажется – приятным, с которым легко работать, или эгоцентричным? По телефону он показался ей вполне адекватным, но по опыту она знала, что большинство светил медицины отличались амбициозностью и скверным характером. Пусть они еще не встречались, но он уже вызвал у нее глубокое уважение, откликнувшись на просьбу помочь Патти Лу Джонс.

– У тебя усталый вид, – заметила Джессика.

– Я действительно совершенно вымоталась.

– Во сколько ты завтра уезжаешь?

Девочки привыкли к ее творческим командировкам, да и Ракель им спуска не давала.

– Я должна выехать не позже половины седьмого. Наш рейс в девять, но мне еще надо встретить телевизионщиков у дома Джонсов.

Обе девочки состроили сочувствующие гримасы, и Мел улыбнулась:

– Не всегда моя работа так романтична, как кажется, да?

– Можешь не уточнять, – вздохнула Вал.

Обе девочки знали, какой тяжелой, а порой и опасной, была ее работа: приходилось снимать и в морозы, и под проливным дождем в далеких джунглях, не говоря уже о политических акциях и других происшествиях, пострашнее. Они уважали ее за это, но ни в коем случае не завидовали и не стремились к такой карьере.

После ужина Мел поднялась сразу к себе, уложила сумку для поездки на Западное побережье и рано легла спать, но как только выключила свет, позвонил Грант и поинтересовался, помог ли ей список докторов.

– Никто из них не пожелал в этом участвовать, но справочный отдел дал мне номер телефона Питера Галлама. Я позвонила ему в Лос-Анджелес, и мы летим туда завтра утром.

– Кто «мы», ты и ребенок? – удивился Грант.

– Нет, еще ее мать, медсестра, телевизионная бригада.

– Вы что, решили из операции устроить цирк?

– Вот то же самое мне сказал Питер Галлам.

– Тем более удивительно, что он согласился в этом участвовать.

– На своих условиях.

– И каких же? В рекламе он не нуждается. Он разрешил вести съемку операции?

– В том-то и дело, нет, но пообещал потом дать мне интервью. Как знать: может, он передумает, когда мы окажемся там...

– Сомневаюсь, но все же позвони мне, детка, когда вернешься, и постарайся ни во что не ввязываться.

Это было его обычное предупреждение, и она улыбнулась, выключая свет.

А в Лос-Анджелесе Питеру Галламу было не до улыбок: у Салли Блок началось обширное отторжение донорского сердца, и через час она впала в глубокую кому. Он почти не отходил от нее до полуночи, лишь на несколько минут покидая палату, чтобы поговорить с ее матерью, и в конце концов разрешил убитой горем женщине посидеть у постели Салли. Отказывать ей в этом уже не было оснований. Опасение занести инфекцию больше не имело смысла, и в час ночи Салли Блок скончалась, не приходя в сознание и не увидев в последний раз свою мать и врача, которому так доверяла. Питер Галлам подписал свидетельство о смерти и, убитый горем, поехал домой. Там, в своем кабинете, он долго сидел в полной темноте, думая о Салли, об Анне и о других, подобных им. От бессилия руки его сжимались в кулаки, по лицу ходили желваки. Многие часы спустя, ощущая смертельную усталость, он медленно поднялся в свою спальню, закрыл дверь и молча, опустившись на кровать, прошептал:

– Простите меня... – И тогда пришли слезы. Он не знал, у кого просил прощения: просто лежал в темноте и страдал от того, что ничего не смог сделать и в этот раз... И тогда вдруг вспомнил о Патти Лу. Вот он, повод, попытаться еще раз. И в глубине души опять шевельнулась надежда.

Глава 4

Патти Лу со всеми сопровождающими удобно устроились в отдельном салоне первого класса на борту самолета, вылетевшего из аэропорта Кеннеди, и Мел молила Бога, чтобы она благополучно перенесла перелет, потому что в Лос-Анджелесе девочка уже окажется в опытных руках доктора Питера Галлама.

Волновалась она напрасно. Полет прошел в штатном режиме, без осложнений, а в Лос-Анджелесе их уже ждали медики и машина «Скорой помощи». Патти Лу с матерью сразу же отвезли в Центральную городскую больницу. По предварительной договоренности Мелани не должна сопровождать их. Доктор Галлам хотел, чтобы девочка привыкла к новой обстановке, а с Мел согласился встретиться в кафетерии следующим утром, чтобы посвятить в результаты осмотра и кратко рассказать о методах лечения. Мел он разрешил захватить блокнот и магнитофон, но телевизионщикам присутствовать при встрече запретил. Официальное интервью будет позже. Мелани с радостью поехала в гостиницу, позвонила домой сообщить, что долетела хорошо, приняла душ и отправилась прогуляться. Погода стояла чудесная, в воздухе пахло весной, но мысли то и дело возвращались к Питеру Галламу. Ей не терпелось встретиться с ним.

Следующим утром она чуть свет вскочила с постели и помчалась во взятой напрокат машине на встречу с доктором.

Миновав бесконечный коридор, она остановилась перед двойными дверями и распахнула их. В ноздри ударил густой аромат свежесваренного кофе. Оглядев ярко освещенный зал больничного кафетерия, она удивилась, что в столь ранний час здесь так много народу. За столиками пили кофе или завтракали после смены сестры, стажеры, врачи. Были здесь и родственники пациентов, заглянувшие подкрепиться после бессонной ночи. Лица их были печальны. Одна женщина тихонько плакала, утирая глаза платком, а другая, помоложе, пыталась ее успокоить, хоть и сама едва сдерживала слезы. Мелани было странно видеть, как соседствует радость и веселая болтовня медсестер с печалью и горем.

Осмотревшись, она пыталась угадать, кто же из мужчин в белых халатах Питер Галлам. Они с серьезным видом обсуждали что-то за кофе, все среднего возраста, но почему-то ни один из них не показался ей похожим на того, каким она его себе представляла. Кроме того, никто из них не поднялся ей навстречу, хотя Питер бы ее узнал.

– Мисс Адамс?

Мелани вздрогнула от звука голоса, раздавшегося прямо за ее спиной, и резко развернулась на каблучках.

– Да?

Мужчина протянул сильную прохладную руку:

– Я Питер Галлам.

Отвечая на пожатие, она смотрела на этого седовласого мужчину с добрыми голубыми глазами и грустной улыбкой и удивлялась, насколько он оказался не похож на того, каким она его представляла. Высокого роста, подтянутый, широкоплечий, он буквально излучал силу и уверенность.

– Давно ждете?

– Нет, только что пришла.

Мелани пошла вслед за ним к столику, слегка раздосадованная из-за того, что немного растерялась. Она привыкла всегда быть в центре внимания, а сейчас чувствовала себя собачкой на поводке. Он буквально подавлял ее.

– Кофе?

– Да, с удовольствием.

Их взгляды встретились, и каждый задал себе вопрос, кем станет для него другой: другом или врагом, сторонником или противником, – но в данный момент их объединяла Патти Лу, и Мел не терпелось расспросить о ней.

– Молоко, сливки, сахар?

– Нет-нет, черный.

Она попыталась было присоединиться к нему, но он жестом остановил ее.

– Не беспокойтесь. Займите лучше столик.

Он улыбнулся, и она почему-то испытала странные ощущения, похожие на нежность. Через минуту он вернулся с подносом, на котором стояли две чашки кофе, апельсиновый сок и тарелка с тостами.

– Уверен, что вы еще не завтракали.

Какой он славный и заботливый!

– Да, спасибо. – Мел улыбнулась и тут же спросила: – Как там наша девчужка?

– Все хорошо. Очень смелая девочка. Ей даже не понадобилось присутствие матери: сама быстро освоилась.

Но Мел подозревала, что это благодаря радушному приему, который был оказан юной пациентке персоналом больницы. Питер несколько раз заходил к Патти Лу, стараясь получше ее узнать до того, как приступить к обследованию. После смерти Салли у него не было тяжело больных, поэтому все свое время он мог посвятить девочке.

– Каковы ее шансы, доктор? – Мел не терпелось услышать его вердикт, и она от души надеялась, что он будет утешительным.

– Пока трудно сказать, но, полагаю, наиболее точным определением будет «неплохие».

Мел хмуро кивнула и отпила глоток кофе.

– Вы будете делать ей пересадку сердца?

– Если у нас появится донор, что маловероятно: такое случается крайне редко, мисс Адамс. Полагаю, моя первая мысль была правильной: надо попытаться восстановить ее собственное сердце, заменить поврежденный клапан.

– А как такое возможно? – слегка встревожилась Мел.

– Пересадить клапан животного: свиньи или овцы. Это уже давно вошло в практику.

– Когда вы намерены оперировать?

Доктор вздохнул и прищурился, задумавшись.

– Возможно, завтра. Надо еще провести ряд исследований.

– А она перенесет операцию?

– Надеюсь, что да.

Они серьезно посмотрели друг на друга. В этом деле никто не мог дать никаких гарантий: прогнозировать можно только поражение, чего не скажешь о победе. С этим трудно мириться день за днем, и ее восхищало то, что он делал. Мелани так и подмывало сказать ему об этом, но ей показалось, что подобные признания сейчас не ко времени, поэтому она вернулась к Патти Лу и своему репортажу. Спустя некоторое время Питер удивленно спросил:

– Скажите, мисс Адамс, почему вас так заинтересовал этот случай? Дело в репортаже или это нечто большее?

– Патти Лу особенная девочка, и я, конечно же, волнуюсь.

– Вы так заботитесь обо всех, кто попадает в ваше поле зрения? Это, должно быть, не просто?

– А у вас разве не так? Вы ведь тоже переживаете за всех своих пациентов, доктор?

– Да... почти.

«Почти»? Почему «почти»? Словно почувствовав ее замешательство, Питер с улыбкой пояснил:

– Речь о тех пациентах, состояние которых не вызывает опасений. Но вернемся к нашим делам. Вы не захватили блокнота. Значит ли это, что наша беседа будет записываться на диктофон?

– Нет-нет, – покачала головой Мелани и улыбнулась. – Мне хотелось просто побеседовать, чтобы получше узнать друг друга.

Ее слова заинтриговали его, и он не смог удержаться, чтобы не спросить:

– Зачем?

– Для того чтобы репортаж не был надуманным, мне нужно сложить свое впечатление о собеседнике.

Она мастер своего дела, настоящий профессионал, и он это сразу почувствовал. В лице Мелани Адамс Питер увидел достойного оппонента, и это так взбодрило, что он предложил ей то, о чем даже не задумывался:

– Хотите, отправимся вместе на обход?

У Мел засверкали глаза. Неожиданное приглашение польстило и вселило надежду, что, возможно, она понравилась ему и даже заслужила доверие. Это имело огромное значение для дальнейшей работы.

– С удовольствием, доктор.

– Если вы не против, зовите меня по имени.

– В таком случае я Мел.

Они обменялись улыбками.

– Договорились.

Она поднялась вслед за ним, радуясь представившейся возможности сопровождать его во время обхода. Она и мечтать об этом не могла, поэтому была очень ему признательна. Когда они выходили из кафетерия, он с улыбкой обернулся к ней:

– На моих пациентов ваше появление здесь произведет впечатление, Мел. Я уверен, что они видели вас по телевизору.

Мел привыкла, что ее узнают на улице, но никогда не кичилась этим и уж тем более не использовала в своих интересах.

Заметив ее неуверенность, Питер засмеялся:

– Вряд ли кто-то вас не знает. Пациенты с сердечными заболеваниями тоже смотрят «Новости».

– Я просто думаю, что меня невозможно узнать без макияжа в обыденной обстановке.

– Уверю вас, это не так, – заверил ее Питер.

Ему показалось странным, что за годы работы на телевидении она так и не осознала свою популярность, но и неожиданно порадовало.

– В любом случае, доктор Галлам, звезда здесь вы.

– Питер. Зовите меня так, Мел. А что касается звезды... Просто я работаю в прекрасном коллективе. Так что мои пациенты придут в восторг, увидев вас, а не меня.

Он вызвал лифт, они поднялись на шестой этаж и оказались среди врачей и медсестер, только что пришедших на смену, оттого немного возбужденных.

Питер проводил гостью в бокс-кабинет и в оставшееся до обхода время решил откровенно рассказать о степени риска и опасности, связанных с пересадкой сердца, а еще предупредить, что в случае негативных впечатлений она вправе отказаться от интервью, тем более, что результат никоим образом не зависит от прессы, а без рекламы он обойдется.

Мел поразило названное им количество летальных исходов.

– Вы опасаетесь, что у меня может сложиться впечатление, будто пересадка сердца вообще не нужна? Вы это хотите сказать, Питер?

– Да, потому что подобное многим приходит в голову. Действительно, многие пациенты умирают вскоре после операции, но это все же шанс, пусть и не слишком обнадеживающий.

И потом, пациент решает сам. Если кто-то не желает испытывать судьбу, я не настаиваю и с уважением отношусь к такому решению, но если мне все же предоставляют возможность помочь, то стараюсь сделать все, что в моих силах. Я не ратую за трансплантацию всем без разбору: это было бы безумием, – но для некоторых это единственный выход. В настоящее время мы ищем новые подходы к решению проблемы. Донорских органов недостаточно, поэтому мы ищем другие пути, а общественность противится этому процессу. Наши оппоненты думают, что мы пытаемся взять на себя роль Бога, а это не так. Мы стараемся спасти людям жизнь и делаем для этого все возможное, только и всего.

Питер встал и, предложив Мел руку, сказал:

– Буду рад услышать ваше мнение сегодня в конце дня, только совершенно объективное. Если с чем-то не согласны, не скрывайте.

Он пропустил ее вперед, а когда они выходили из бокса, спросил:

– Признайтесь, Мел, не сложилось ли у вас уже предвзятое мнение об этом?

– Честно говоря, пока не знаю, но уверена: все, что вы делаете, имеет смысл. Правда, должна признаться, меня пугают отрицательные результаты, о которых вы говорили. Оказывается, жизнь так коротка.

Он пристально посмотрел на нее.

– «Коротка» весьма относительное понятие. То, что для кого-то кажется слишком маленьким сроком, для другого – подарок судьбы: неделя, день, даже час... Поверьте: летальные исходы ужасают и меня. Но разве у нас есть выбор? В данный момент на большее мы не способны.

Мел кивнула и пошла следом за ним в холл, не переставая думать о Патти Лу. Питер читал истории болезни пациентов: лицо сосредоточенно, брови насуплены, а она наблюдала за ним. Потом он обсуждал с врачами, какие препараты следует назначать пациентам после пересадки, чтобы предотвратить отторжение донорского сердца. Чтобы ничего не упустить, Мел кое-что записала и составила список вопросов, которые хотела задать ему, когда освободится.

Наконец подошло время обхода. Питер указал на стопку белых халатов на каталке из нержавеющей стали. Мелани взяла верхний и уже на ходу натянула. Питер энергично шагал по коридору с пачкой историй в руках. Два стажера и медсестра почтительно следовали за ним. Рабочий день начался. Он толкнул дверь и вошел в первую палату. Там лежал пожилой мужчина. Питер пояснил, что две недели назад ему сделали шунтирование, и спросил, как больной себя чувствует. Тот хоть и заявил, что будто помолодел, но на юношу не очень-то походил. Выглядел он усталым, бледным. Питер, правда, заверил ее, когда они вышли из палаты, что процесс идет нормально и больной скоро поправится. В следующей палате у Мел защемило сердце при виде десятилетнего мальчика, который выглядел лет на пять-шесть, потому что страдал врожденным пороком сердца и болезнью легких. Ужасные хрипы вырывались из его тщедушного тельца. Трансплантацию в данном случае проводить было слишком рискованно и преждевременно, и поэтому пока принимались временные меры для поддержания его жизни. Питер сел на стул возле кровати и начал подробно расспрашивать мальчика, а Мелани отвернулась, чтобы скрыть навернувшиеся на глаза слезы. Уже в коридоре Питер слегка коснулся ее плеча, словно хотел утешить и поддержать.

Пациент следующей палаты находился на грани жизни и смерти из-за послеоперационной инфекции. Тяжелобольных людей опасность подстерегала повсюду. Она таилась в их ослабленных телах и даже в воздухе. Потом они посетили пациента в коматозном состоянии, но Питер, быстро переговорив с медсестрой, не стал задерживаться в этой палате и отправился в соседнюю, где лежали двое мужчин с лунообразными лицами. Мелани уже знала, что это побочный эффект стероидов, которые принимают больные, но с этим можно все-таки мириться.

Обход палат длился почти до полудня и по возвращении в бокс Питер ответил на ее вопросы.

– Почему так высок процент смертности после трансплантации? – мрачно спросила Мел.

– В основном из-за отторжения в любой форме, но еще одна проблема – инфекции, которыми наши пациенты особенно подвержены.

– И ничего нельзя сделать?

– Мы же не боги. Возможно, положение дел изменится, после того, как пройдут испытания новые препараты. В последнее время появилось много нового в трансплантологии, так что есть надежда, что больные будут жить. Самое ужасное, что многие не хотят...

– Что вы имеете в виду?

– Для того чтобы бороться, нужны силы, воля и желание, а еще огромная выдержка.

Теперь она поняла еще кое-что.

Он помолчал, потом вдруг тихо добавил, не глядя на нее:

– Моя жена не захотела бороться за жизнь.

Мел будто пригвоздили к стулу. Что он сказал? Его жена?

– У нее была первичная легочная гипертензия, ей требовалась пересадка сердца и легких, но к тому времени во всем мире было проведено всего две подобных операции. Конечно, я не стал бы оперировать сам: была возможность отвезти ее к самому лучшему специалисту, – но она сказала «нет». Она не захотела подвергать себя тем мучениям, через которые проходят, как она знала, все мои пациенты, лишь только для того, чтобы прожить еще полгода, год или два, и спокойно встретила смерть. Это произошло полтора года назад. Ей было всего сорок два.

Он замолчал, потом, справившись с волнением, продолжил, но уже как врач, профессионал:

– В прошлом году я сделал две подобные операции и у меня нет оснований сомневаться в их успехе. За трансплантологией будущее, и я никогда не откажусь от борьбы, как бы ни были мизерны шансы на успех.

– У вас есть дети? – осторожно спросила Мелани, когда она подняла на нее взгляд.

– Трое. Марку семнадцать, Пам скоро четырнадцать, а Мэтью шесть. – Питер наконец улыбнулся. – Они замечательные ребята, только с ними чертовски трудно. Каждый день стараюсь вернуться домой пораньше, но всегда возникает какая-нибудь непредвиденная ситуация и они предоставлены сами себе.

– Мне это знакомо.

Но он, похоже, ее не слышал:

– Она не захотела даже попытаться дать нам шанс.

– Понимаю, – мягко заметила Мел. – С этим, должно быть, очень трудно смириться.

Он медленно кивнул, а затем, спохватившись, что слишком разоткровенничался, поспешно взял истории болезни, как будто хотел с их помощью восстановить между ними границу.

– Извините. Не знаю, зачем рассказал вам все это.

Мел же несколько не удивилась: ей многие раскрывали душу, просто на сей раз это произошло чуть быстрее, – и попыталась сгладить неловкость:

– Почему бы нам не навестить Патти Лу?

Мел была глубоко тронута его рассказом, но в данный момент еще не могла подобрать нужные слова утешения.

Девочка заулыбалась, увидев их обоих, и это вернуло Мел с небес на землю, напомнив причину ее приезда в Лос-Анджелес. Они немного поболтали с Патти Лу, и, просмотрев результаты обследований, Питер удовлетворенно кивнул, потом по-отечески погладил ребенка по голове:

– Завтра у тебя очень ответственный день: мы будем ремонтировать твоё сердечко, чтобы оно стало как новое.

Девочка неуверенно улыбнулась:

– И потом я смогу играть в бейсбол?

Мел и Питер переглянулись.

– Если захочешь.

Потом доктор доступно объяснил ей, какие процедуры завтра предстоят. Девочка хоть и встревожилась, но не испугалась: доктор, который ей так понравился, не мог причинить боль.

Они вышли из палаты, и Питер, взглянув на часы, спросил:

– Как насчет ленча? Вы, должно быть, умираете с голоду.

– Пока вы не спросили, я даже не думала о еде, – улыбнулась Мел. – Здесь все так интересно.

Питер был явно доволен.

Они вышли из больницы и направились к его машине.

– Вы всегда так рано начинаете работать? – поинтересовалась Мел.

Питер удивился.

– В основном да, иначе ничего не успеваешь: дел полно.

– А ваша бригада? Ведь можно как-то поделить обязанности?

– Конечно, так мы и поступаем, – пожал плечами Питер, но Мел усомнилась, что дела обстоят именно так: скорее всего он всю ответственность брал на себя и ему это нравилось.

– А кем хотят стать ваши дети?

Прежде чем ответить, Питер задумался на мгновение.

– Точно я не знаю, но Марк вроде бы собирается заняться юриспруденцией, у Пам увлечения меняются каждый день, особенно сейчас, ну а Мэтью, конечно, еще мал, чтобы задумываться о своем будущем.

Он посмотрел на нее, и Мел улыбнулась, радуясь теплему весеннему воздуху, солнцу и компании привлекательного умного мужчины, который, оказавшись за стенами больницы, словно помолодел.

– Куда поедет обедать?

Мел вдруг почувствовала, что ей с ним так же легко, как с Грантом, но в то же время она испытывает к нему нечто большее. Питер привлекал ее своей мужественностью и силой, но в то же время мягкостью, ранимостью, открытостью и скромностью. В нем не было снобизма, он не кичился своими достижениями и умел радоваться простым человеческим ценностям.

– Вы бывали в Лос-Анджелесе?

– Да, но только в командировках, у меня никогда не хватало времени не то что осмотреть город, но и спокойно поесть.

Питер улыбнулся, и Мелани поняла, что и он обычно не выходит на ленч: исключение было сделано для нее.

Ее удивило, что он ездит на огромном серебристо-сером «мерседесе»-седане: машина совсем ему не подходила.

Питер, словно прочел ее мысли, пояснил:

– Это машина Анны, а я езжу на маленькой «бээмвухе», но сейчас она в ремонте. Есть еще пикап, но я оставил его домработнице.

– Она ладит с детьми?

– Они очень к ней привязаны. А я без нее просто не знал бы, что делать. С Марком Анна справлялась сама, но когда родилась Пам, у нее уже начались проблемы с сердцем, и мы наняли эту женщину. Она немка и для нас просто дар Божий.

Мел обрадовалась возможности поговорить на безопасную тему:

– Мне по дому тоже помогает чудесная женщина, да и девчонки ее обожают.

– Сколько им?

– Скоро шестнадцать.

– Близняшки?

– Да, но разнояйцевые.

– Не похожи?

– Нет, абсолютно разные, как небо и земля: одна – стройная, рыжеволосая и, как говорят, моя копия, хотя я в этом не уверена, а вторая – невысокая пухленькая красавица, из-за которой у меня всякий раз замирает сердце, когда она идет куда-то одна.

Питер рассмеялся:

– Я все чаще убеждаюсь, что с сыновьями проще. Хоть переходный возраст довольно сложный период для любого ребенка, с Марком проблем не было, но, конечно, тогда еще была жива Анна.

Наступила длительная пауза, наконец и Питер спросил, тщательно подбирая слова:

– Вы воспитываете девочек одна?

Мел кивнула:

– Да, причем с самого рождения.

– А что с отцом? Простите, если я допустил бестактность.

– Нет-нет, все в порядке, – спокойно произнесла Мел. – Он бросил меня еще до их рождения, заявив, что в его планы дети не входили, так что он их даже не видел.

Питер Галлам был потрясен.

– Какой ужас! Ведь вы были очень молоды.

Мелани пожала плечами: это уже не причиняло боль, просто мрачное воспоминание, факт из биографии.

– Мне было девятнадцать.

– О боже! Как же вам удалось справиться одной? Родители помогли?

– Только на первых порах. Когда родились девочки, я уехала из Колумбии, начала работать. Прежде чем нашла дело по душе, сменила множество мест.

Теперь она с легкостью оглядывалась на прошлое, но он чувствовал, каким трудным было ее восхождение. При этом она не сломалась, не ожесточилась, а научилась реально смотреть на вещи и, в конце концов, добилась своего: добралась до вершины.

– Вы с такой легкостью говорите об этом, но ведь наверняка приходилось туго.

– Я почти не вспоминаю об этом. – Мел отвернулась к окну, словно заинтересовавшись городскими достопримечательностями. – Забавно, столкнувшись с трудностями, думаешь, что не выживешь, а когда их удается преодолевать и проходит время, все уже не кажется таким трудным.

Слушая ее, он размышлял, сможет ли когда-нибудь вот так же спокойно вспоминать об утрате Анны, но пока сомневался в этом.

– Знаете, Мел, самое трудное для меня – осознание, что я никогда не смогу заменить своим детям мать, а она так им нужна, особенно Пам.

– Вы не должны требовать от себя невозможного: ведь и так отдаете им все самое лучшее, что способны дать.

Питер взглянул на нее и не очень уверенно спросил:

– Вы никогда не думали опять выйти замуж, хотя бы ради дочерей?

– Не уверена, что хочу этого: брак не для меня, – и, надеюсь, девочки уже поняли это. Раньше, когда были поменьше, они постоянно спрашивали, почему у них нет папы, и я чувствовала себя виноватой, однако теперь, когда я им объяснила, что лучше уж жить одной, чем с кем попало, смирились. Наверное, хотя стыдно в этом признаться, я ужасная собственница: не представляю, как могла бы с кем-то делить моих девочек.

– Это понятно, ведь долгое время вы жили одни.

Мелани откинулась на сиденье и посмотрела на него:

– Дороже Джессики и Валерии у меня ничего нет в жизни. Они замечательные.

Наконец они доехали до фешенебельного района Беверли-Хиллз, всего в двух кварталах от знаменитой Родео-драйв, и остановились. Мелани огляделась и увидела вывеску быстро «Гарденз». Питер предложил ей руку, и они направились во внутренний дворик ресторана, скрытый от посторонних глаз цветущим кустарником. Ленч был в полном разгаре. Среди публики Мелани заметила несколько знаменитостей, потом неожиданно обнаружила, что взоры кое-кого из посетителей прикованы к ней самой. Вот две дамы, прикрыв рот ладошкой, что-то возбужденно шепчут третьей, а на лице метрдотеля медленно расплывается улыбка.

– Здравствуйте, доктор. Добрый день, мисс Адамс, рад вас видеть.

– Вас всегда узнают? – вопросительно посмотрел на нее Питер.

– Не всегда: все зависит от того, где нахожусь. – Мелани бросила взгляд на переполненный ресторан, где собирались на ленч сливки общества, и улыбнулась Питеру. – Это похоже на обход пациентов в больнице, где все смотрят на доктора Галлама.

– Вот уж никогда не замечал! – рассмеялся Питер, а вот интерес, с каким смотрят на Мелани, не заметить было невозможно.

– Прекрасное место. – Она вдохнула весенний аромат и повернулась лицом к солнцу. В Лос-Анджелесе было совсем как летом, и она наслаждалась неожиданным отдыхом в этом райском уголке. – Спасибо, что привезли меня сюда.

Он с улыбкой откинулся на спинку стула.

– Я подумал, что кафетерий не совсем то, к чему вы привыкли.

– Да бросьте! Чаще всего я перехватываю что-нибудь на бегу, потому что нет времени сесть и спокойно поесть, не то что пообедать в модном ресторане.

– Тут мы с вами похожи.

Он усмехнулся, и Мелани удивленно подняла бровь.

– Вы, похоже, полагаете, что мы трудоголики, доктор? Таков ваш диагноз?

– Подозреваю, что так, но мне кажется, что мы вовсе не хотим лечиться: такая жизнь нас вполне устраивает.

– Да, вы правы, – улыбнулась Мелани и впервые за последние два года почувствовала умиротворение.

В ожидании заказанных блюд она незаметно рассматривала его и с удовлетворением пришла к выводу, что ей очень нравится его стиль.

– Вы сегодня вернетесь в больницу?

– Конечно, нужно провести еще кое-какие исследования у Патти Лу.

Мел нахмурилась.

– Завтра трудный день?

– Операция для нее – единственный шанс, и мы постараемся сделать все возможное, чтобы она перенесла ее безболезненно.

– И вы по-прежнему надеетесь, что можно устранить пороки без пересадки?

– Другого выхода нет: доноров для детей слишком мало, и можно прождать месяцы, а то и годы. У нас этого времени нет.

– Питер, а почему вы используете только клапан животного? Разве нельзя пересадить сердце целиком?

– Ни в коем случае! Немедленно произойдет отторжение. Медицина пока не до конца не изучила тело человека: многое остается загадкой.

Она кивнула.

– Я надеюсь, вам удастся помочь ей.

– Я тоже надеюсь на это.

Мелани покачала головой, охваченная едва ли не благоговейным трепетом перед тем, что он делает.

– Это просто поразительно: вы как волшебник, а ваши операции похожи на чудо.

Мелани внимательно посмотрела на Питера и добавила:

– Это замечательно – заниматься любимым делом, не так ли?

Он улыбнулся: похоже, каждый из них был на своем месте и ей работа тоже приносила радость и удовлетворение.

– Ваша жена работала? – вдруг спросила Мелани.

– Нет, – покачал он головой. – Анна любила заниматься домом, заботилась о детях. А ваши дочери не ропщут из-за того, что мама так занята?

– Случается, но не часто: мое появление на телеэкране производит впечатление на их друзей, и это им нравится.

Питер улыбнулся: это производило впечатление даже на него.

– Представляю, что будет, когда мои ребята узнают, с кем я сегодня обедал.

Времени больше не было. Питер расплатился за обед, и они с сожалением поднялись, вынужденные прервать приятную беседу. Когда сели в машину, Мелани потянулась и мечтательно проговорила:

– Здесь уже настоящее лето. Вот бы сейчас к морю, поплавать, расслабиться, позагорать.

– А где вы обычно проводите отпуск, Мел? – спросил Питер, включая зажигание.

– Мы все вместе ездим на Мартас-Виньярд.

– А что там?

Она прищурилась, взявшись рукой за подбородок, и мечтательно проговорила:

– Это похоже на возвращение в детство. Можно представить, что находишься на необитаемом острове, весь день ходить в шортах и босиком, проводить время на пляже. Я люблю это место, потому что могу там расслабиться, мне ни на кого не надо производить впечатление, нет необходимости встречаться с теми, кого видеть не хочется. Обожаю просто валяться и бездельничать. Мы проводим там, как правило, два месяца.

– Вы можете такое себе позволить? – удивился Питер.

– Да, теперь это внесено в мой контракт, а раньше мне полагался месяц.

– Вам можно только позавидовать: мы ездим в Аспен, да и то я могу побыть с детьми максимум пару недель.

– Вам очень понравилось бы на Мартас-Виньярде! Это волшебное место.

Это прозвучало многообещающе, и Питер впервые посмотрел на спутницу с чисто мужским интересом. Оказывается, ее волосы блестят на солнце и отливают медью, а таких изумрудных, с золотыми искрами глаз он никогда раньше не видел. Его вдруг охватило забытое волнение. Проведенные вместе часы сблизили их, и это вызывало беспокойство. Ему показалось, что он предает Анну, позволив себе обратить внимание на другую женщину.

Когда они вышли из машины и направились в больницу, Мел почувствовала, что между ними пробежал холодок.

Глава 5

На следующее утро Мел встала пораньше и сразу отправилась в больницу. Мать Патти Лу уже сидела возле палаты, и она опустилась на стул рядом с ней. Операция была назначена на семь тридцать.

– Хотите, я принесу вам кофе, Перл?

– Спасибо, не надо, – произнесла женщина, слабо улыбнувшись. – Я хочу поблагодарить вас, Мел, за все, что вы сделали для нас. Мы не попали бы сюда, если бы не вы.

– Это не моя заслуга, а канала.

– Нет-нет, не скромничайте. – Глаза негритянки наполнились слезами.

– Я могу еще чем-то помочь? – Мел дотронулась до ее плеча, но она отвернулась.

Спустя десять минут в холл с деловым видом вошел Питер Галлам и, поздоровавшись, скрылся в палате Патти Лу. Минуту спустя оттуда раздался тихий плач, и Перл Джонс вся напряглась, прошептав:

– Сказали, чтобы я не входила, пока малышку готовят.

У нее дрожали руки, и она принялась комкать мокрый от слез платок, поэтому Мел обняла ее за плечи и твердо сказала:

– Все будет хорошо. Держитесь.

Как только она это произнесла, дверь открылась, и медсестры вывели на каталке девочку. Питер Галлам вышел следом. Перл взяла себя в руки, быстро смахнула слезы и, наклонившись, поцеловала дочь.

– Я люблю тебя, малышка. Все будет хорошо.

Питер Галлам улынулся им обеим и ободряюще коснулся плеча Перл, быстро взглянув при этом на Мел. На миг между ними как будто пробежал электрический разряд, но уже в следующее мгновение доктор переключил свое внимание на Патти. Девочка пребывала в полудреме после инъекции, поэтому окинула их затуманенным взором и смежила веки. Галлам сделал знак сестрам, и каталку повезли через холл к лифту, чтобы подняться на этаж выше в операционную. Питер держал Патти за руку, а Мел и Перл шли за ним следом.

– О боже! – воскликнула негритянка, когда двери лифта закрылись, и женщины надолго припали друг к другу.

Время, казалось, остановилось. Коридор был исхожен вдоль и поперек, картонным стаканчикам из-под черного кофе уже не хватало места в мусорном баке, и вот появился Питер Галлам. Мел, затаив дыхание, посмотрела ему в глаза, а женщина, сидевшая рядом, застыла на стуле, парализованная страхом, не решилась подойти.

– Операция прошла успешно, миссис Джонс. Патти Лу чувствует себя хорошо.

Перл задрожала и с рыданиями бросилась к нему.

– О боже... мое дитя... Спасибо, доктор!

Питер Галлам улынулся:

– Конечно, еще слишком рано говорить о конечном результате, но пока все идет в штатном режиме.

Ноги у Мел подкосились, и она рухнула на стул. Эти четыре с половиной часа, пока шла операция, показались ей самыми долгими в жизни: она искренне переживала за судьбу девочки. Питер сел рядом с ней, накрыл ее руку своей крупной ладонью и постарался успокоить:

– Ну-ну, все уже позади. Как насчет интервью сегодня во второй половине дня?

– Да, это было бы чудесно, – пробормотала Мелани, но вдруг нахмурилась. – Вы уверены, что не слишком переутомились?

Питер усмехнулся:

– Конечно! Любая удачная операция дает мне такой заряд бодрости, что я готов гонять футбольный мяч.

Такая победа вселяла уверенность, и оставалось только надеяться, что Патти Лу не подведет и не разрушит их надежды. Мать девочки пошла звонить мужу в Нью-Йорк, и Мел с Питером остались одни.

– Мел, все действительно прошло замечательно. – Он посмотрел на часы: – Мне пора на обход, потом я заскочу в свой кабинет, и к трем могу освободиться. Вас устроит это время?

– Я выясню, успеет ли бригада подъехать сюда. – Они ждали этого уже два дня, и Мел надеялась, что все получится. – Не думаю, чтобы возникли проблемы. Где вам удобно?

Он задумался на мгновение.

– В моем кабинете.

– Прекрасно. Вероятно, к двум они уже подъедут, чтобы подготовиться.

– Сколько времени потребуется для интервью?

– Столько, сколько вы сможете нам уделить.

– Часа два вас устроит?

– Вполне. А мы не сможем ли на несколько минут заглянуть к Патти Лу?

Питер нахмурился и покачал головой.

– Не думаю, Мел. Может быть, завтра, но при условии, что не будет никаких неожиданностей. Вашей бригаде придется переодеться в стерильное и действовать быстро.

– Прекрасно.

Мел быстро сделала несколько пометок в блокноте, который всегда носила с собой в сумочке. Сегодня во второй половине дня она возьмет интервью сначала у Перл Джонс, затем у Питера, завтра утром со съемочной бригадой посетит Патти Лу, и можно будет возвращаться домой. Она может даже успеть на ночной рейс в Нью-Йорк. Вот и все. Возможно, примерно через месяц им удастся взять у Патти Лу еще одно интервью, как продолжение репортажа: расспросить, как девочка чувствовала себя до операции и после нее. Но это все потом. Сейчас надо сделать основной репортаж. Она подняла взгляд на Питера.

– Мне бы хотелось сделать специальную передачу о вас.

Он улыбнулся, все еще пребывая в состоянии эйфории после успешно проведенной операции.

– Никогда не задумывался об этом...

– Думаю, зрителям будет интересно узнать о достижениях кардиохирургии вообще и пересадке сердца – в частности.

– Возможно... только нужно как следует подготовиться.

Мелани кивнула, и он, коснувшись ее руки, встал.

– Увидимся в моем кабинете.

– Мы не станем беспокоить вас раньше трех: только скажите секретарю, где хотели бы расположиться, а дальше уж мы сами.

– Договорились.

Прихватив несколько историй болезни на посту медсестер, он через минуту исчез, и Мел осталась в холле одна. Посидев немного, она направилась к таксофону и помахала Перл, говорившей с мужем. Интервью с ней было намечено на час дня, и его можно провести прямо в больничном холле, так что не придется далеко отходить от палаты Патти Лу.

Мел взглянула на часы и, прикинув, что если в два часа они перейдут в то здание, где располагается офис Питера, то успеют подготовиться к интервью и, даст Бог, съемка пройдет без осложнений. Все складывалось удачно и заняло всего три дня, хоть они и показались ей тремя неделями.

Она направилась вниз встречать съемочную группу. Коллеги прибыли вовремя. Интервью с Перл Джонс получилось эмоциональным: женщина выразила глубокую признательность

медикам, лично Мел и всему каналу. В два часа операторы перебазировались в офис Питера. Две стены кабинета, в котором он решил дать интервью, занимали шкафы с книгами по медицине, а две других были отделаны деревянными панелями теплого розового оттенка. Питер сидел за массивным письменным столом и рассказывал Мел о работе кардиохирургов, о ловушках и опасностях, об обоснованном страхе, но также и о надежде, которую они давали людям. Он честно упомянул о степени риска и привел статистику неудачных исходов, но, поскольку в любом случае у людей, которым они делали пересадку сердца, не было выбора, риск почти всегда казался оправданным.

– А каковы прогнозы для тех, кто отказывается от трансплантации?

Мелани понимала, что вопрос слишком личный, но задать его должна была для пользы дела.

– Летальный исход, – спокойно ответил Питер.

На мгновение воцарилась тишина, затем он вернулся к разговору о Патти Лу. Ровно в пять они закончили, и Питер вздохнул с облегчением. День выдался непростым, да и двухчасовое интервью совершенно вымотало.

У них все получилось. Операторы выключили свет и собрали аппаратуру, довольные съемкой. Галлам держался непринужденно и прекрасно отвечал на вопросы. Мел чувствовала, что сделала именно то, что требовалось для программы новостей. Из этого материала предстояло смонтировать пятнадцатиминутный репортаж, и ей не терпелось приступить к монтажу.

– Должна признать, вы справились великолепно, – заметила Мелани.

– Я опасался увлечься медицинской терминологией и специфическими деталями.

– Нет-нет, всего было в меру: доступно и в то же время не по-дилетантски. Судьба девочки, несомненно, тронет сердца зрителей. Трудно оставаться безучастным к больным детям.

Питер с нескрываемым восхищением наблюдал, как четко налажена у Мел работа съемочной группы, но его отвлек приход медсестры. Она что-то тихо сказала ему, и он тотчас же нахмурился, а у Мел едва не остановилось сердце: неужели?..

– Нет-нет, с ней все в порядке, – поспешил успокоить ее Питер. – Один из моих коллег заходил к ней час назад. Тут другое. Только что привезли больную, которой срочно нужна пересадка сердца, а у нас нет для нее донора. Хотите пойти со мной?

Предложение удивило ее, но в то же время порадовало: она смогла завоевать его доверие.

– Выступить в роли моей коллеги, если, конечно, вас не узнают. Мне не хотелось бы расстраивать родственников или давать им повод думать, что я пользуюсь случаем с целью рекламы.

– Договорились.

Мелани схватила сумочку, сказала несколько слов телевизионщикам и поспешила за Питером. Уже через десять минут они вновь оказались на шестом этаже Центральной городской больницы и поспешили в палату к новой пациентке.

Когда Питер открыл дверь, пропуская Мел, ее поразило увиденное. Там лежала девушка удивительной красоты: светловолосая, с огромными печальными глазами и такой тонкой нежной молочно-белой кожей, что просвечивали все жилки. Девушка обернулась на звук открывшейся двери и слабо улыбнулась. Мел своим глазам не верила: как могла эта неземная красота оказаться в таком ужасном месте? На одной руке у нее была повязка после забора крови на анализы, а другую украшали синяки и кровоподтеки от внутривенных вливаний, но все это отошло на второй план, когда она заговорила. Ее голос напоминал мягкое журчание ручейка, и хотя говорить ей было трудно, их появление ее, без сомнения, обрадовало. Девушка явно обладала хорошим чувством юмора, судя по тому, как она представилась Мел. Почему судьба так безжалостна даже к таким молодым? Какая несправедливость! На лице девушки не было

ни обиды, ни злости, ни скорби. Ее звали Мари Дюпре, она француженка, выросла в Новом Орлеане, но уже почти пять лет живет в Лос-Анджелесе.

– Очень надеюсь опять очутиться в Новом Орлеане, – улыбнулась девушка Питеру, – после того как добрый доктор немножко меня подлатает. – В следующее мгновение улыбка исчезла с ее лица, уступив место беспокойству и боли. – Как вы думаете, я здесь надолго?

На этот вопрос ответ мог знать только Господь Бог, и это понимали все, включая Мари.

– Будем надеяться, что нет, – ответил Питер, стараясь сохранить самообладание, и объяснил девушке, какие процедуры ей предстоят сегодня. Многочисленные манипуляции ее не пугали, но Мари не спускала с доктора огромных умоляющих глаз, надеялась получить ответ на главный вопрос. Она смотрела словно узница, приговоренная к смертной казни за преступление, которого не совершала.

– Следующие несколько дней будут очень напряженными, Мари. – Доктор чуть пожал ей руку. – Завтра утром я загляну к тебе, и тогда сможешь спросить обо всем, что захочешь узнать.

Девушка поблагодарила его, и они с Мел вышли из палаты. Мелани удивилась, что в такой трудный момент рядом с Мари никого нет. Неужели кто-то из родных не мог приехать сюда вместе с ней? Другие пациенты не казались такими одинокими. Именно потому, что одинока, она больше других полагалась на Питера, но, возможно, такое впечатление создалось оттого, что она новенькая. Когда они медленно шли по коридору, Мелани вдруг охватило ощущение, что они ее бросили одну.

– Что с ней будет? – спросила она печально.

– Надо найти для нее донора, и как можно скорее.

Питера очень беспокоила участь девушки, и он ломал голову в поисках выхода.

– Жаль ее: такая милая девушка.

Питер кивнул. Ему все больные были дороги, потому что их судьбы целиком зависели от него, хотя он редко задумывался об этом: просто делал для них все, что было в его силах. К сожалению, иногда он мог сделать очень немного. Мел уже несколько дней волновал вопрос: как он все это выдерживает? В его руки попадало так много больных, у которых почти не оставалось надежды, и тем не менее он никогда не унывал и не позволял своим пациентам падать духом.

– Ну и денек выдался, да, Мел? – улыбнулся ей Питер, когда они выходили из здания.

– Не представляю, как можно изо дня в день выдерживать такое. Я бы уже через пару лет выдохлась... нет, скорее через неделю. Такая ответственность, такое напряжение физических и душевных сил. Каждый случай – это вопрос жизни и смерти... – Мел опять подумала о Мари Дюпре. – Как с той девушкой.

– Ради ожидания победы стоит жить.

Они не сказали этого, но одновременно подумали о Патти Лу: ее состояние не вызывало опасений.

– Но ведь вам приходилось сегодня нелегко. И, помимо всего прочего, я со своим интервью.

– А мне понравилось: глядишь, и я стану звездой. – Он улыбнулся, но мысли его явно занимала Мари.

Питер просмотрел ее историю болезни, назначил необходимые исследования и препараты. Об остальном позаботятся коллеги. Главное – вовремя найти донора, но с этим он ничего не мог поделать: оставалось только молиться.

– Как вы думаете, получится?

– Трудно сказать, но очень надеюсь: у нас почти нет времени.

И так было с каждым из пациентов, вот что страшно. Для того чтобы подарить им жизнь, кто-то должен умереть.

Мелани полной грудью вдохнула весенний воздух и, бросив взгляд на машину, что взяла напрокат, протянула руку:

– Как я понимаю, на сегодня все – во всяком случае, для меня. Надеюсь, вы хорошо отдохнете после такого тяжелого дня.

– Да, дом – единственное место, где мне удастся отдохнуть, когда дети рядом.

Мелани рассмеялась:

– Да вы счастливый человек: ваши явно не похожи на моих! После рабочего дня я, выжатая как лимон, приползаю домой и, вместо того чтобы принять душ и лечь в постель, выслушиваю слезные истории Вал про очередного кавалера и редактирую доклад на пятидесяти листах, подготовленный Джесс. Они обе требуют от меня внимания, я взрываюсь, а потом терзаюсь раскаянием: дети ведь не виноваты, что ты одна и должна пахать как лошадь.

Питеру это было хорошо знакомо, и он улыбнулся:

– С моими тоже хлопот хватает – ну за исключением Марка – он уже вполне самостоятельный.

Они уже подошли к автостоянке, когда у Питера вдруг возникла идея. Он с улыбкой взглянул на Мел и предложил:

– Не хотите посмотреть, как я живу? Заодно и поужинаете с нами.

– Я бы с радостью, но увы...

– Почему? Какая необходимость возвращаться в гостиничный номер сейчас? Мы ужинаем не поздно, так что к девяти вы уже будете у себя.

Мелани понравилась его настойчивость.

– А ваши дети не будут возражать?

– Нет. Уверен: они придут в восторг, едва завидев вас.

– Потому что я тетя из телевизора?

– Вовсе нет. Поехали, Мел: все будет хорошо.

– Уговорили. Мне ехать за вами?

– Оставьте эту машину здесь, а поедем на моей.

– Тогда вам придется отвезти меня обратно. Впрочем, я могу взять такси.

– Не волнуйтесь: доставлю вас сюда и заодно навещу Патти Лу.

– Вы когда-нибудь забываете о работе? – улыбнулась Мел, усаживаясь к нему в машину.

– Не получается. – Питер выглядел очень довольным, выезжая с больничной стоянки.

– Как здесь красиво! – с восторгом воскликнула Мел, глядя в окно.

Дорога то устремлялась вниз, то делала поворот, тут и там мелькали шикарные виллы, похожие на дворцы.

– Да, места здесь великолепные. Не представляю, как вы можете жить в Нью-Йорке.

– Там моя работа, дом, друзья.

– И вам там нравятся эти каменные джунгли?

– Да. Я привыкла и успела за долгие годы полюбить.

И это действительно было так. Как бы ни нравился ей Лос-Анджелес, место ее было в Нью-Йорке, в привычной среде. Питер заметил, как изменилось ее настроение, и оставил расспросы, тем более что они уже свернули на подъездную аллею, которая вела к внушительных размеров красивому дому во французском стиле, окруженному деревьями и аккуратно подстриженным кустарником. Перед зданием, посреди идеально ухоженного газона, были разбиты цветочные клумбы.

Сказать, что Мелани удивилась, значит не сказать ничего. Она и предположить не могла, что доктор живет в таком роскошном доме.

– Боже, Питер, мы что, попали в сказку?

– Вас что-то удивило? – рассмеялся, явно довольный, хозяин дома.

Мелани покраснела.

– Просто это не в вашем стиле.

– Да, вы правы: автор проекта и главный дизайнер – Анна. Мы построили его перед рождением Мэтью.

– Дом действительно великолепен, Питер!

– Тогда вперед! Пойдем знакомиться с моими ребятами: скорее всего они возле бассейна и, возможно, с друзьями.

Мелани, оглядываясь, пошла вслед за ним в дом, чуть-чуть обеспокоенная из-за предстоящей встречи с его детьми.

Глава 6

Питер открыл входную дверь и пригласил гостью в холл с полом, выложенным ромбовидными черными и белыми мраморными плитками, с хрустальными бра на стенах. На столике из черного мрамора, с позолоченными ножками в стиле Людовика XVI стояла великолепная хрустальная ваза со свежесрезанными цветами, от которых исходил нежный весенний аромат. Мелани не ожидала подобной роскоши в доме такого простого и скромного, каким казался Питер, доктора.

По пути в свой кабинет Питер показал ей другие помещения, и везде Мел видела ту же картину: изящные кресла, обтянутые парчой, стены с лепниной, потолки с росписью, создававшей сложный световой эффект. Рабочий кабинет хозяина дома был выдержан в темно-красных тонах. Здесь стояли строгие английские кресла и длинный кожаный диван. Стены украшали картины с изображением сцен охоты.

– Вы шокированы, Мел.

– Скорее да, чем нет: вы не похожи на любителя роскоши.

– Это Анна. Два года она училась в Сорбонне, потом жила во Франции, и это сказалось на ее вкусе. Я не стал ничего менять, незачем, тем более что наверху все гораздо проще. Если захотите, попозже я устрою вам экскурсию. – Вдруг о чем-то вспомнив, Питер хлопнул себя по лбу. – Черт возьми! Это старость. Я забыл вам сказать про купальник. Может, Пам выручит? Вы могли бы поплавать. Пойдемте.

Питер привел ее в просторный внутренний дворик с большим овальным бассейном, и Мел почувствовала себя почти как дома. Около дюжины подростков резвились в воде, а вокруг бассейна бегал маленький мальчик и визжал от удовольствия. Мел удивилась, что не услышала этого шума раньше. Мальчишки старались перещеголять друг друга в ловкости и силе: кувыркались, ныряли, плавали наперегонки. Были здесь и девчонки, но вели себя скромнее. Питер остановился у края бассейна, хлопнул в ладоши, но его никто не услышал, зато тотчас забрызгали водой. Малыш, увидев Питера, подбежал к нему и обхватил за ноги, оставляя мокрые пятна на брюках.

– Ой, папочка приехал! Пошли купаться.

– Привет, Мэт. Можно я сначала переоденусь?

Питер подхватил сына под мышки, чмокнул в лоб и на мгновение прижал к себе его голову с выгоревшими на солнце светлыми волосиками. Мэтью расхохотался, продемонстрировав отсутствие передних зубов.

– Мэтью, познакомься: это мой друг, Мелани Адамс. Мел, это мой сын Мэт. – Заметив, что мальчик насупился, Питер поправился. – Прошу прощения, это мой младший сын Мэтью Галлам.

– Здравствуйте. – Малыш протянул мокрую ручонку, и Мелани с серьезным видом пожалала ее, мгновенно вспомнив, какими были ее близняшки в его возрасте, хотя прошло уже десять лет.

– Где Пам, что-то я ее не вижу? – Питер обернулся к бассейну, но там резвились только друзья Марка.

– Она у себя. – фыркнул Мэтью, состроив презрительную гримасу. – Опять небось висит на телефоне.

– В такую жару? – удивился Питер. – Она что, весь день провела в доме?

Малыш закатил глаза и посмотрел на отца и его гостью как на умственно отсталых:

– Она же ненормальная: то орет на всех, то плачет.

– Схожу, пожалуй, посмотрю, как она там. – Питер взглянул на сына. – Побудь здесь, хорошо? Не давай нашей гостье скучать. Скоро вернусь. Да, а где миссис Хан?

– Она зачем-то пошла в дом, только что.

В следующее мгновение малыш, разбежавшись, прыгнул в бассейн, забрызгав их с головы до ног. Мел со смехом отскочила назад, и Питер с извиняющимся видом посмотрел на нее, когда белокурая головка вынырнула на поверхность.

– Мэтью, ну что это такое!..

В этот момент их наконец-то заметил Марк, что-то крикнул остальным и, махнув рукой, подплыл к бортику:

– Привет, папа! Добрый день, мэ.

Похожий на отца: высокий, поджарый, длинноногий, – он с интересом посмотрел на незнакомку, но Питер жестом дал ему понять, чтобы обратил внимание на младшего брата.

– Совсем промокли? – спросил он у Мел, когда Мэтью оказался под присмотром Марка.

Ее несколько не расстроили шалости малыша: после столь напряженного дня можно и расслабиться.

– Ничего, высохну.

– Порой я сожалею, что построил бассейн: половина соседей проводят здесь все выходные.

– Зато дети довольны.

Он кивнул:

– Да, только вот жаль, что мне удастся спокойно поплавать нечасто, только когда они в школе. Если у меня выдается свободное время, я иногда приезжаю домой на ленч и могу немного расслабиться.

– И как часто такое случается?

– Примерно раз в году.

– Я так и подумала. А малыш у вас чудесный!

– Да, мальчуган хороший, да и Марк тоже: такой серьезный, что это иногда пугает.

– У меня Джессика такая же.

– Это которая похожа на вас?

– Как вы умудрились запомнить? – удивилась Мел.

– Профессиональная память: порой подробности, мельчайшие детали становятся ключом к разгадке. Это необходимо, чтобы выиграть сражение со смертью.

Поскольку Мэтью был теперь под присмотром старшего брата, Питер предложил Мел пойти вместе к Пам. Он распахнул дверь веранды, и они оказались в просторной солнечной гостиной, уставленной глубокими белыми плетеными креслами и диванами, со стереоаппаратурой, огромным телевизором и пальмами в горшках, кронами упиравшимися в потолок. На изящном бюро Мел заметила с полдюжины снимков высокой стройной женщины со светлыми волосами и голубыми глазами. Анна. Вот они с Питером играют в теннис, а вот перед Лувром, с маленьким ребенком на руках, а здесь – со всеми детьми перед рождественской елкой. Кажется, все вокруг замерло, и Мелани как замороженная смотрела на ее лицо. Они с Питером были чем-то похожи и составляли прекрасную пару.

– Трудно поверить, что ее больше нет, – раздался голос Питера совсем рядом.

Мелани не знала, что сказать, поэтому просто молча кивнула, а потом, медленно еще раз оглядев комнату, поинтересовалась:

– Это очень женская гостиная. Вы используете ее?

– Дети обычно здесь играют. Хоть она и белая, портить тут почти нечего. Кроме того, в этой комнате – любила сидеть Анна, они всегда были при ней, вот и привыкли. Ну что, идем к Пам? По дороге покажу вам остальное.

Убранство верхних комнат было выдержано в том же стиле, но пол в холле выстилал бледно-бежевый травертин. Здесь располагалась малая гостиная, но уже в голубых тонах, отделанная бархатом и шелком, с мраморным камином, настенными бра и хрустальной люстрой.

Дальше располагался небольшой кабинет, но Питер нахмурился, когда они проходили мимо, и Мелани успела лишь заметить, что он выдержан в розовых тонах, и сразу же поняла, что им никто не пользуется, потому что он принадлежал Анне.

Затем хозяин с гордостью показал свою библиотеку. Вдоль темно-зеленых стен стояли шкафы с книгами, на столе царил рабочий беспорядок, а над ним висел портрет Анны, выполненный маслом. Отсюда через двери был вход в хозяйскую спальню, где теперь Питер спал один. Сюда он ее не пригласил, а повел сразу к лестнице. Следующий этаж принадлежал юным Галламам. В открытые двери можно было увидеть разбросанные игрушки: явно здесь обитал Мэтью, – в следующей комнате тоже царил беспорядок, а через третью приоткрытую дверь Мел смогла разглядеть только огромную белую кровать с балдахином и девушку, сидевшую на полу возле нее. Услышав приближающиеся шаги, она что-то шепнула в трубку и поднялась. Питер постучал, и они вошли. Мелани была поражена: трудно поверить, что ей нет еще и четырнадцати. С копной золотистых волос и огромными печальными глазами она выглядела совсем взрослой и была копией матери.

– Чем занимаешься? – спросил Питер, и Мел заметила, как напряглась девочка.

– Зашла позвонить подруге.

– На веранде возле бассейна тоже есть телефон. Стоит ли сидеть в такой духоте?

Девочка не ответила – лишь пожала плечами.

Питер повернулся к Мел:

– Познакомьтесь: это моя дочь Памела. Пам, это телеведущая Мелани Адамс из Нью-Йорка, о которой я вам рассказывал.

– Я узнала, – равнодушно отозвалась та.

Мел протянула руку, и девочка вяло пожала ее. Было ясно, что отношения у них непростые. Возможно, виной тому переходный возраст, а может быть, ревность...

– Я вот о чем хочу попросить... У тебя ведь несколько купальников. Не могла бы ты одолжить один Мел, чтобы ей не пришлось ехать в гостиницу.

На какое-то мгновение девочка заколебалась, явно подбирая слова, потом выдавила:

– Да, но ведь она... она несколько крупнее меня.

Памеле явно не понравилось, как ее отец смотрел на гостью, и Мел тотчас все поняла.

– Ничего, обойдусь и без бассейна.

– Нет, все в порядке, я сейчас посмотрю. А вы совсем другая, не как по телевизору, – сказала Памела, пристально разглядывая Мелани.

– Мои дочери тоже так считают: говорят, что на экране я кажусь старше.

– Да, что-то в этом роде, но скорее более серьезной.

Памела продолжала в упор смотреть на гостью, словно пыталась найти на ее лице ответ на какой-то вопрос.

– Сколько им?

– Скоро шестнадцать.

– Что, обеим? – удивилась Пам.

– Ну да, они близняшки, – улыбнулась Мел.

– Класс! Они похожи?

– Совершенно нет: они разнояйцевые.

– А я считала, что так называют мальчиков. А какие они? – заинтересовалась девочка.

– Как все их ровесницы, – засмеялась Мел. – Одна – рыжеволосая, как я, и очень серьезная. Ее зовут Джессика. Другая – взбалмошная блондинка Валерия. Они обожают дискотеки, у них много друзей.

– А где вы живете?

Питер молча наблюдал за ними, немало удивленный, что дочь снизошла до общения с гостьей.

– В Нью-Йорке. У нас небольшой дом, совсем непохожий на ваш. У вас очень красиво. Как, должно быть, чудесно иметь бассейн!

– Да уж, – без особого энтузиазма согласилась Памела и пожала плечами. – В нем либо бьются несносные друзья моего брата, либо в него писает Мэтью.

Мел засмеялась, но Питеру это не понравилось:

– Что ты несешь? Это неправда.

– А вот и правда, сама видела! Как только миссис Хан ушла в дом, так и пописал, прямо с бортика.

Мел с трудом подавила смех, а Питер, покраснев, пообещал:

– Я разберусь с Мэтью.

– А заодно с друзьями Марка: они тоже не прочь облегчиться.

Девочка повернулась к шкафу и принялась в нем рыться. После недолгих поисков нашла белый сплошной купальник, который, по ее мнению, может подойти гостю. Мел поблагодарила ее и окинула взглядом комнату.

– У тебя очень уютно, Пам.

– Мама отделала ее для меня перед самой... – У нее сорвался голос, лицо погрузнело, но всего на мгновение: затем она вызывающе посмотрела на Питера. – Это единственная комната в доме, которая принадлежит только мне.

Мел стало жаль девочку: такой несчастной она выглядела, так отличалась от братьев. Памела старалась скрывать свою боль и вела себя так, как будто по их вине у нее не стало матери.

Мел подумала, насколько ее близняшки отличались от этой замкнутой, враждебно настроенной и рано повзрослевшей девочки с разумом ребенка. Для Пам явно наступили очень тяжелые времена, и Мел понимала, как туго приходится Питеру. Неудивительно, что он старался пораньше возвращаться домой. Для шестилетнего малыша, истосковавшегося по любви, юноши, за которым нужен глаз да глаз, и несчастной девочки-подростка в доме мало было иметь помощницу по хозяйству. Каким бы хорошим отцом Питер не был, он не мог дать им того, что требовалось, по крайней мере дочери. Мелани вдруг захотелось прижать ее к себе, успокоить, сказать, что все как-нибудь устроится. Но Пам, словно уловив ее мысли, внезапно отшатнулась и резко заявила:

– Увидимся позже.

Питер медленно направился к двери и, прежде чем выйти, спросил:

– Ты спустишься вниз, Пам?

– Да, наверное...

– Не следует целыми днями сидеть в комнате.

Было видно, что девочка с трудом сдержалась, но ей очень хотелось возразить отцу, и Мелани посочувствовала ему.

Они вышли, и Питер проводил Мел в комнату для гостей.

– Здесь вы можете переодеться.

Он не обмолвился ни словом по поводу Пам, а когда Мел, переодевшись, вышла, у Питера был совершенно спокойный вид. Они спустились вниз, в комнату-сад с плетеной мебелью, Питер вынул из холодильника две банки пива, достал с полки два стакана и предложил Мелани сесть, пока бассейн не освободился.

– Подождем несколько минут: сейчас они вылезут.

Мелани отметила, что Питер в прекрасной форме: в плавках, тенниске и босиком он совершенно не походил на того человека, с которым она работала последние два дня, у которого брала интервью. Теперь это был простой смертный, только очень и очень привлекательный.

Некоторое время они молча пили пиво, потом он заговорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.